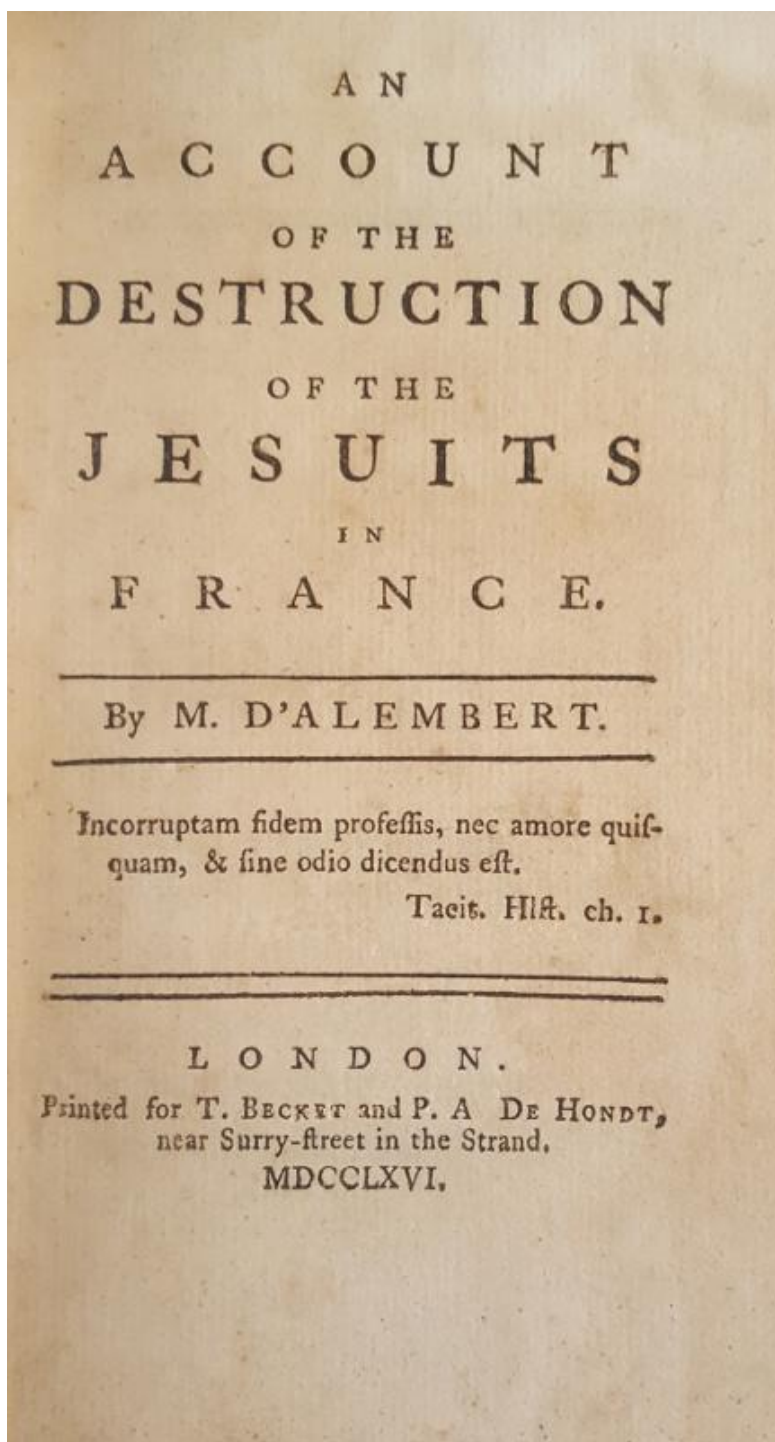

Отчет об уничтожении ордена иезуитов во Франции

Жан Ле Ронд д'Аламбер

Электронная книга проекта "Гутенберг", в которой рассказывается об уничтожении ордена иезуитов во Франции

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Отчет об уничтожении ордена иезуитов во Франции

Автор: Жан Ле Ронд д'Аламбер

Дата выхода: 11 июня 2019 [Электронная книга № 59729]

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Брайан Несс, Кристиан Буассоннас и команда онлайн-редакторов, распространяющих корректуру на <http://www.pgdp.net> (Эта книга была подготовлена на основе отсканированных изображений материалов, находящихся в общественном достоянии, из проекта Google Books Project.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА" - ОТЧЕТ ОБ УНИЧТОЖЕНИИ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ ВО ФРАНЦИИ ***

ОТЧЕТ ОБ УНИЧТОЖЕНИИ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ ВО ФРАНЦИИ

М. Д'Аламбер.

Incorruptam fidem professis, nec amore quisquam, & fine odio dicendus est.

Неявный. История. глава 1.

ЛОНДОН.

Напечатано для Т. Беккета и П. А. Де Хондта, недалеко от Сарри-стрит на Стрэнде.

MDCCLXVI.

М. * * *, СОВЕТНИКУ ПАРЛАМЕНТА * * *.

ПРАЗРЕШИТЕ, сэр, неизвестному, но ревностному гражданину, беспристрастному историку иезуитов, публично отдать дань уважения тому истинно философскому патриотизму, который вы проявили в этом деле. Возбуждая против общества рвение магистратов, вы не пренебрегли обратить их просвещенное внимание на всех тех людей, которые могут иметь с этим чуждым обществом какие-либо признаки сходства и которые, одетые в черное, серое или белое, могут признать себя подобными ему в самом сердце Франции, другой страны и другого государя.

Вы проявили не меньший свет, ознакомив мудрых Хранителей законов, всех Членов партии, кем бы они ни были, всех фанатиков, какие бы ливреи они ни носили, ссылаются ли они на *Франциска Парижского* или *Франциска Борджиа*, поддерживают ли они *предопределяющие указы* или *оказывают соответствующую помощь*.

Если бы автор этой статьи имел возможность спросить вас о вашем мнении, его работа, без сомнения, значительно выиграла бы от этого. Пусть вы, такие, какие они есть, предоставите им свое избирательное право и примите их как тонкий знак признания, которым религия, государство, философия и литература обязаны вам.

Реклама.

Различные статьи, опубликованные по делу иезуитов (если не считать предписаний магистратов), дышат враждебностью или фанатизмом в тех, кто брался либо защищать, либо нападать на общество. Мы можем сказать об этих историках то, что Тацит говорил об историках своего времени: *Neutris cura posteritatis, inter infensos vel obnoxios*: “Ни на кого из них не повлияла забота о потомстве, поскольку они сами принадлежали к числу раздраженных или несносных”. Поскольку автор нижеследующего письма заявляет о довольно большом безразличии к ссорам подобного рода, он не прилагал к себе никаких усилий, чтобы рассказать правду (по крайней мере, насколько он смог ее узнать) относительно причин и обстоятельств этого необычного события: если он иногда рассказывал об этом с энергией, он льстит себе, по крайней мере, тем, что передал это без горечи, и он надеется, что таким образом его работа не вызовет неудовольствия тех, кто, подобно ему, отстранен от какого-либо партийного духа или интересов. Он даже подождал, прежде чем опубликовать это произведение, пока умы людей перестанут возбуждаться по поводу вопроса, который является его целью; он, без сомнения, потеряет из-за этого некоторых читателей, но истина от этого выиграет или, по крайней мере, не пострадает.

Факты, о которых здесь рассказывается, по большей части очень хорошо известны во Франции; иностранцам, для которых мы намеревались писать, они известны в меньшей степени, чем

французам. Размышления, сделанные в связи с этим историческим отчетом, могут быть полезны обоим, и, возможно, даже больше французам, чем иностранцам.

ОБ УНИЧТОЖЕНИИ иезуитов во ФРАНЦИИ

Середине века, в котором мы живем, похоже, суждено стать эпохой не только в истории человеческого разума благодаря революции, которая, по-видимому, готовится в наших взглядах, но и в истории государств и империй благодаря экстраординарным событиям, свидетелями которых мы последовательно были. Менее чем за восемь лет мы стали свидетелями потрясения земли, поглотившего часть Португалии, Испании, Африки и Венгрии и повергнувшего в ужас своими потрясениями несколько других наций; войны, разгоревшейся от Лиссабона до Петербурга за несколько почти неосвоенных территорий в Северной Америке; система Европы, внезапно изменившая свой облик по прошествии двух столетий из-за строгого и неожиданного союза домов Франции и Австрии; последствия этого союза, полностью противоречащие тому, чего от него естественно было ожидать; король Пруссии в одиночку противостоит пяти грозным державам. объединившийся против него и выходящий из пучины бури победоносным и покрытым славой; император, низвергнутый со своего трона; король Португалии убит; Франция в ужасе от подобной попытки и трепещет за жизнь, которая дороже всего на свете; наконец, иезуиты, те люди, которые считались такими могущественными, так прочно обосновались, так грозны, изгнаны из первого из этих двух королевств и уничтожены во втором. Это последнее событие, которое, безусловно, не является ни самым печальным, ни величайшим из тех, которые мы только что перечислили, возможно, не является ни наименее удивительным, ни наименее восприимчивым к размышлениям. Именно философы должны увидеть это таким, каково оно есть, показать потомству, каково оно есть, донести до мудрецов всех наций, как страсть и ненависть, сами того не ведая, помогли разуму и справедливости в этой неожиданной катастрофе.

Чтобы беспристрастно объяснить мне уничтожение иезуитов во Франции, являющееся целью этого трактата, мы должны начать очень давно и вернуться к самому происхождению этого знаменитого общества, свести воедино препятствия, которые ему противостояли, успехи, которых оно добилось, удары, которые оно наносило и получало; наконец, причины явные и тайные, которые привели его на край пропасти и которые закончились тем, что сбросили его оттуда.

Прошло немногим более двухсот лет с момента зарождения общества иезуитов. Его основателем был испанский джентльмен, который, разгорячив свой мозг рыцарскими романами, а затем книгами о благочестии, вбил себе в голову стать Дон Кихотом Девы Марии [1], пойти и проповедовать неверным христианскую религию, о которой он ничего не знал, и связать себя с этой целью с теми авантюристами, которые сочтут нужным присоединиться к он.

Без сомнения, будет сочтено удивительным, что орден, ставший таким могущественным и прославленным, имеет своим основателем такого человека. Однако этот основатель был достаточно мудр, чтобы отказаться от вступления в орден театинов, который кардинал, ставший через несколько лет папой римским, основал незадолго до того, как начали появляться иезуиты. Игнатий, несмотря на все противодействие, с которым столкнулось его общество при его зарождении, предпочел быть законодателем института, чем подчиняться законам, которые создавал не он. Кажется, что с того самого времени он предвидел будущее величие своего ордена и то, какой маленькой фигурой станет другой, хотя ему и суждено было стать в наше время колыбелью благочестивого прелата, возведенного из лона этого ордена (непостижимым Провидением) к первым сановникам государства и церкви. [2].

Игнатию также хватило ума понять, что общество, заявляющее о своей особой преданности святому престолу, найдет непогрешимую поддержку у главы Римской церкви и, следовательно, у католических князей, ее дорогих и верных сынов; и что таким образом это общество в конце концов восторжествует над временными препятствиями, с которыми оно могло столкнуться при своем возникновении. Именно с этой точки зрения он дал ему те знаменитые конституции, с тех пор усовершенствованные и всегда по одному и тому же плану двумя преемниками, стоявшими гораздо выше Игнатия, двумя генералами Лайнцем и Аквивой, столь прославленными в анналах иезуитов: особенно последний, интригующий, ловкий и полный великих взглядов, был по всем этим показателям очень подходящим для управления амбициозным обществом: ему оно обязано больше, чем кому-либо другому, за эти правила, столь хорошо продуманные и мудрые, что мы можем назвать их шедевром индустрии иезуитизма. человеческая природа с точки зрения политики, и которые в течение двух столетий способствовали расширению и славе этого ордена. Эти правила, это правда, в конечном итоге стали причиной или мотивом уничтожения иезуитов во Франции; но такова судьба всего человеческого величия и власти, в самой их природе ухудшаться и исчезать, когда они достигают определенной степени величия и блеска. Империя ассирийцев, империя персов, сама Римская империя исчезли именно по этой причине, потому что они стали слишком большими и слишком могущественными. Эти примеры должны были бы утешить иезуитов, если только возможно утешить иезуитскую гордыню.

Мы не можем лучше сравнить это общество, повсюду окруженное врагами и повсюду торжествующее на протяжении двух столетий, чем болота Голландии, возделываемые упорным трудом, осаждаемые морем, которое ежеминутно угрожает поглотить их, и постоянно противостоящие их дамбам этой разрушительной стихии. Пусть эти дамбы будут пробиты, но в одном-единственном месте, Голландия окажется под водой после стольких веков труда и бдительности. Вот что случилось с обществом; его враги, наконец, обнаружили слабую часть и пробили его плотину; и все же те, кто вырастил его с такой заботой и терпением, те, кто впоследствии так долго следил за его сохранением, те, кто с таким успехом возделывал почву, которая была защищена этой дамбой, заслуживают, тем не менее, благодарности за это.

Едва "общество Иисуса" (ибо именно такое название оно себе присвоило) начало заявлять о себе во Франции, как столкнулось с бесчисленными трудностями в своем становлении там. Университеты особенно старались изгнать этих новоприбывших; трудно решить, делает ли это противодействие честь или дискредитирует иезуитов, которые пережили это. Они безвозмездно выдавали себя за наставников молодежи; они уже насчитали среди них несколько образованных и знаменитых людей, возможно, превосходящих тех, которыми могли похвастаться университеты; следовательно, интерес и тщеславие могли быть достаточными мотивами для их противников, по крайней мере в эти первые моменты, чтобы попытаться исключить их. Мы можем вспомнить подобное противодействие, которому нищенствующие ордена подверглись со стороны этих самых университетов, когда они захотели внедриться туда; противодействие, основанное почти на тех же мотивах и прекратившееся только благодаря состоянию, в котором оказались эти ордена, теперь стало неспособным вызывать зависть.

С другой стороны, весьма вероятно, что общество, гордившееся той поддержкой, которую оно находило среди стольких бурь, вооружало своих противников, бросая им вызов; с этого времени оно, казалось, проявляло тот дух вторжения, который оно слишком часто демонстрировало с тех пор, но который оно всегда тщательно скрывало под маской религии и рвения к спасению душ. Это стремление к расширению своих возможностей и господству проявлялось уже со всех сторон: общество втерлось в доверие к нескольким монархам; оно вело интриги при дворах некоторых других; оно делало себя грозным для епископов благодаря зависимости, которую оно оказывало только от римского двора; короче говоря, чем больше оно возвеличивалось, тем больше оно, казалось, оправдывало своим кредитом и интригами злобу своих врагов против него. Управлять вселенной не силой, а с помощью религии - таково, по-видимому, было устройство этого общества с самого его возникновения; устройство, которое становилось все более очевидным по мере того, как его существование и его авторитет набирали силу.

Оно никогда не упускало из виду ни эту цель, ни средства (столь же изящные, сколь и эффективные), которые оно должно было использовать, чтобы добиться успеха в ней. Возможно, это единственное из всех обществ, поскольку австрийский дом - единственная из всех европейских держав, которая придерживается единой и постоянной политики; неоценимое преимущество для обществ и суверенных домов. Индивидуумы только уходят из жизни и за этот короткий промежуток времени подвержены небольшому кругу событий, которые ни в коем случае не позволяют им иметь какую-либо неизменную систему. Организации и великие дома существуют долгое время; и если они всегда преследуют одни и те же проекты, то картина мира, которая постоянно меняется, рано или поздно создает наконец обстоятельства, благоприятные для их взглядов. Как только мы объявим себя их врагами, мы должны либо полностью уничтожить их, либо в конечном итоге стать их жертвой; пока у них остается хоть один вздох, они не перестают быть грозными. "Ты обнажил меч против иезуитов," сказал остроумный человек философу. "Что ж, брось ножны в огонь". Но индивидуумы, какими бы многочисленными и одушевленными они ни были, имеют очень мало силы против целого: соответственно, иезуиты, которых так порицали, на которых так нападали, которых так ненавидели, существовали бы, возможно, еще с большим блеском, чем когда-либо, если бы у них не было в качестве непримиримых врагов других организаций, все еще существующих наряду с ними, и столь же постоянно занятых проектом их уничтожения, как они были заняты возвеличиванием самих себя.

Способ, которым это общество утвердилось в тех местах, где оно встречало наименьшее сопротивление, очень ясно раскрывает приписываемый им замысел *управлять человечествами* подчинить религию этому замыслу.

Таким образом, иезуиты приобрели в Парагвае монархическую власть, основанную, как говорят, только на убеждении и на мягкости своего правительства: будучи суверенами в этой огромной стране, они, несомненно, делают счастливыми тамошних людей, которые им повинуются и которых они, наконец, действительно подчинили им, не прибегая к насилию. Тщательность, с которой они не допускают посторонних, мешает нам узнать подробности этого необычного управления; но то немногое, что о нем известно, говорит о нем с похвалой, и, возможно, было бы желательным, если бы сведения были достоверными, чтобы апостолами и учителями многих других варварских стран, где народы угнетены и несчастны, были, наряду с Парагваем, иезуиты. Если бы они нашли в Европе так же мало препятствий для своего господства, как в такой обширной стране, как Америка, то следует полагать, что они правили бы там и по сей день с той же империей: Франция и государства, в которые проникла философия ради счастья человечества, без сомнения, сильно пострадали бы от этого; но некоторые другие нации, возможно, не заслуживали бы большей жалости из-за этого. Люди знают только одно - естественные потребности и необходимость их удовлетворения; в тот момент, когда они в силу своего положения защищены от нищеты и страданий, они довольны и счастливы: свобода - это благо, которое создано не для них, о преимуществах которого они не знают и которым обладают только для того, чтобы злоупотреблять им в своих интересах; они - дети, которые падают и ушибаются в тот момент, когда их оставляют одних, и которые встают снова только для того, чтобы побить свою няню; их нужно хорошо кормить, обеспечивать работой, не давя их, и вести за собой, не позволяя им видеть слишком много. очевидно, их цепи. "Это (говорят они) то, что делают иезуиты в Парагвае; вероятно, это то, что они сделали бы везде, если бы мир был расположен позволить им". Но в Европе, где у них уже было так много хозяев, они не считали уместным терпеть новых: это сопротивление, хотя и такое естественное, раздражало иезуитов и делало их злыми: они заставляли те нации, которые отказались от их ига, чувствовать все зло, которое эти нации пытались причинить им: полезные и респектабельные в Парагвае, где они находили только покорность и мягкость. Они стали опасными и беспокойными в Европе, где столкнулись с несколько иным поведением; и не даром о них говорили, что, видя, что они сделали так много хорошего в одном уголке Америки и так много зла в других местах, поэтому было необходимо отправить их всех в единственное место, где они не причиняли вреда, и очистить от них остальную часть земли.

Давайте вернемся во Францию, или, скорее, к истории создания общества в этом королевстве. Уже тогда иезуитам, поддерживаемым покровительством пап и королей, удалось, несмотря на противодействие университетов, добиться очень больших преимуществ, основать несколько учебных заведений и, наконец, основать в самом Париже колледж, на который другие смотрели с завистью. Учреждение этого колледжа в разные периоды подвергалось нескольким нападениям: сначала Стивен Паскье, столь хорошо известный своими сатирическими талантами, а несколько лет спустя Энтони Арно, отец доктора, последовательно выступил против иезуитов с этими знаменитыми обвинительными речами, в которых несколько истин сочетаются с большим количеством декламаций. Общество, победившее в этих тяжбах, получило патентом свободу продолжать свои занятия; Парижский университет был вынужден мириться с этим и считал себя все еще очень счастливым оттого, что его не принуждали принимать в свое лоно тех честолюбивых и фракционных людей, которые вскоре сами овладели бы властью; возможно

также, что они избежали этого ига только потому, что иезуиты побрезговали наложить его на них; вероятно, они считали себя достаточно сильными, чтобы с успехом воздвигать алтарь против алтаря; и их тщеславие, польщенное тем, что они сами составили партию, питало с того времени надежду, которая могла бы принести им успех. с тех пор оно слишком хорошо осознало, что лишает университеты образования самых блестящих представителей знати королевства.

В разгар этой войны университетов и парламентов против иезуитов произошло убийство Генриха IV. написанное Джоном Шателем, знатоком этих отцов, было, так сказать, сигналом к новой буре над ними и вызвало тот гром, который уже давно прокатывался над их головами. Иезуит Гиньяр, уличенный в сочинении во времена Лиги сочинений, благоприятствующих цареубийству, и в том, что сохранил их после амнистии, погиб от последней пытки; а парламенты, которые с давних пор недоброжелательно смотрели на узурпаторов и искали только удобного случая избавиться от них, изгнали их из королевства как “отвратительное и дьявольское общество, растлителей молодежи и врагов короля и государства”: таковы были слова аррета.

К сожалению, слишком очевидно (и история тех ужасных времен дает печальные доказательства этого), что принципы, в которых они упрекали Гиньяра и иезуитов относительно убийства королей, были в то время принципами всех других религиозных орденов и почти всех священнослужителей. Генрих III. был убит фанатиком якобинского ордена; их приор Бургуан только что был казнен на колесовании за это учение; картезианец по имени Уин покушался на жизнь Генриха IV. Эта отвратительная доктрина принадлежала вождям Лиги, к числу которых относились священники и епископы; она также, если мы осмелимся это сказать, принадлежала значительной части нации, которую фанатизм сделал слабой и разъяренной. Преступление общества было тогда преступлением многих других. Но злоба Римского двора против Генриха IV. особое исповедание иезуитами своей преданности этому честолюбивому двору; наконец, доверие, которое король оказал им, разрешив обучать молодежь; все эти мотивы, усиленные справедливой ненавистью, которую возбуждало их честолюбие, делали их с полным основанием еще более опасными и преступными. Никогда якобинцев не упрекали бургундом и Клеманом, убийцами их братства, как иезуитов упрекали их ученым Шателем и Гиньяром, их товарищем: причина в том, что якобинцев мало боялись, а что иезуитов боялись и ненавидели одновременно.

В этом их почти всеобщем бедствии их пощадили два парламента, Бурдо и Тулузы; более того, изгнав их из остальной части королевства, они не отчуждали и не конфисковывали их имущество; магистраты, объявившие их вне закона, совершили эту большую ошибку; эти отцы, у которых все еще был уголок во Франции, где можно было укрыться, использовали то немногое дыхание, которое у них оставалось, для подготовки к своему воскрешению; они присоединились к своим интригам внутри королевства, заручившись поддержкой нескольких государей, и особенно римского двора, которого Генрих IV. боялись вызвать недовольство; и, несмотря на справедливые протесты парламентов, они добились своего возвращения через несколько лет после того, как были изгнаны. Генрих IV. сделал для них гораздо больше; то ли потому, что они нашли способ понравиться этому принцу, то ли потому, что он надеялся найти в них больше возможностей примирить со своими любовями новую религию, которую он

исповедовал; или, наконец, что наиболее вероятно, тот великий и несчастный король, которого так часто убивали и который все еще находился в опасности, боялся и хотел проявить уважение к этим лисицам, которых обвиняли в том, что в их распоряжении были тигры, он предоставил им во Франции значительные учреждения; среди прочих великолепный колледж ла Флеш, куда он стремился поступить. что его сердце будет перенесено после его смерти; наконец, как бы для того, чтобы более конкретно заинтересовать их в его сохранении, несмотря на преобладавшие против них слухи, он взял исповедником иезуита. Утверждается, что он действовал таким образом, чтобы иметь при своем дворе и при своей особе заложника, который отвечал бы перед ним за это подозрительное и опасное общество: добавляется, что иезуиты были отозваны именно с условием выдачи этого заложника: если это правда, то следует признать, что они, как ловкие люди, смогли подчинить своему величию закон, унижительный сам по себе, и умело воспользоваться для увеличения своего авторитета недоверием и страхом, которые они внушали.

Людовик XIII, правивший после Генриха IV. или, скорее, кардинал Ришелье, правивший под его именем, продолжал благоволить иезуитам: он думал, что их рвение и регулярное поведение послужат одновременно примером и сдерживающим фактором для духовенства; и что разрешение преподавать, которое было им предоставлено и которым они с успехом воспользовались, станет для университетов предметом подражания.

Этот великий служитель не был обманут. Нельзя отрицать, что иезуиты, и особенно французские, создали большое количество полезных работ, облегчающих молодым людям изучение литературы; работ, которыми воспользовались сами университеты, чтобы, в свою очередь, создавать аналогичные работы, а возможно, и еще лучше: и то, и другое известно, и беспристрастная публика оказала им благосклонный прием, которого они заслуживали.

Давайте добавим (ибо мы должны быть справедливы), что ни одно религиозное общество без исключения не может похвастаться таким большим количеством людей, известных в науке и литературе. Нищенствующие, даже во времена своего наивысшего расцвета, были всего лишь схоластами, бенедиктинцы - всего лишь компиляторами, остальные монахи - простыми болванами [3]. Иезуиты с успехом упражнялись во всех видах красноречия, истории, древностях, геометрии, литературе, как глубокой, так и приятной: едва ли найдется какой-либо класс писателей, в котором они не считали бы людей выдающихся достоинств: у них были даже хорошие французские писатели; преимущество, которым не может похвастаться ни один другой орден; по той причине, что для того, чтобы хорошо писать на своем родном языке, необходимо общаться со светскими людьми, и что иезуиты по роду своих функций были более рассеяны по миру, чем другие.

Несомненно, что покойный кардинал Пассиони, который ненавидел этих отцов (на что у него могли быть веские причины), зашел в своей ненависти к ним так далеко, что не допускал в свою прекрасную и многочисленную библиотеку ни одного писателя из общества. Я сожалею об этом как ради библиотеки, так и ради учителя; первый потерял из-за этого несколько хороших книг; а другой, столь философский, как нас уверяют, в других отношениях, в данном случае был совсем не таким. Если что-то и может утешить иезуитов, так это то, что тот же кардинал, столь заклятый враг всех их трудов, имел несчастье поддерживать и превозносить рапсодии того самого Абрахама Шоме, само имя которого теперь стало смешным, и который в настоящее время

отвергнут на своем месте после того, как его цитировали и прославляли как своего рода отца церкви [4].

Общество обязано форме своего института (столь порицаемого в других отношениях) таким разнообразием талантов, которые отличают его. Они не отвергают никаких способностей и не требуют никаких других условий, чтобы быть принятыми в число своих членов, кроме способности быть полезными. Чтобы воспользоваться нашей свободой, мы должны платить везде, даже среди нищенствующих. Иезуиты ничего не знают об этом ничтожном интересе; они с удовольствием и безвозмездно принимают каждого человека, от которого надеются извлечь какую-либо пользу; среди них нет бесполезных; из тех, от кого они ожидают меньше всего, они делают, по их собственному выражению, *миссионеров* для деревень или *мучеников* для Индии. Они не брезговали даже очень великими личностями, мало достойными титулов, которые они носили, когда становились иезуитами, такими, как Карл Лотарингский и несколько других: их имена служили, по крайней мере, украшением ордена, если они ни на что другое не годились: мы можем назвать их *почетными* членами общества.

Две другие причины, по-видимому, способствовали тому, что иезуиты получили преимущество перед всеми другими орденами в виде большего числа мужчин, достойных уважения за их таланты и их труды: первая - это продолжительность их послушничества и закон, который разрешает им не связывать себя последними обетами до достижения тридцати трех лет. У начальников больше времени, чтобы узнать своих подданных, судить о них и направлять их к цели, для которой они наиболее подходят; более того, эти подданные, будучи привлечены к работе в зрелом возрасте, после длительного испытания и имея все время, необходимое для размышлений, менее подвержены отвращению и раскаянию, более привязаны к обществу и более склонны использовать свои таланты для его славы и для своей собственной, которая приходит только потом.

Вторая причина превосходства иезуитов над другими орденами в отношении наук и познаний заключается в том, что у них есть достаточно времени для того, чтобы посвятить себя учебе, пользуясь в этом отношении такой свободой, какой только можно обладать в обычном сообществе, не подвергаясь, как другие ордена, мелким практикам благочестия и должностям, которые поглощают большую часть дня. Если бы не было известно, что ненависть делает оружием все, что угодно, нам было бы трудно поверить, что во время их великого и рокового судебного процесса в некоторых янсенистских памфлетах им было серьезно предъявлено обвинение в преступлении за то, что они не собирались вместе так часто, как другие монахи, чтобы вместе служить заутреню и молитвы; как будто религиозному обществу (первая обязанность которого - быть полезным) нечем было заняться, кроме как несколько часов в день распевать на сильно испорченной латыни. Возможно, скажут, что религиозные ордена учреждаются только для молитвы: пусть будет так; но в таком случае пусть верующие запираются в своих домах, чтобы молиться там совершенно непринужденно, и пусть им не мешают вмешиваться ни в какие другие дела.

Это запрещение молиться и петь среди иезуитов, прежде чем это стало предметом упреков против них, было предметом шутки, приятной для гения нашей нации: "Иезуиты, - говорили они, - не умеют петь, потому что хищные птицы никогда этого не делают: они, - говорили они снова, - это группа людей, которые встают в четыре утра, чтобы вместе повторить литании в восемь вечера". У иезуитов хватило здравого смысла первыми посмеяться над этими французскими

остротами и не внести никаких изменений в свой образ жизни; они считали, что для них полезнее и почетнее есть пете и бурдюки, чем пустяки и распевалы.

Тем не менее следует признать, что в науках и искусствах иезуиты лишь слабо культивировали два вида: это французская поэзия и философия. Лучшие из французских поэтов недостойны посредственности; однако французская поэзия, чтобы преуспеть в ней, требует тонкости чувств и вкуса, которые можно приобрести, только посещая мир гораздо чаще, чем должен позволять себе религиозный человек. Эта школа вежливости и деликатности, пожалуй, единственное, чего не хватало иезуиту Ле Муану, чтобы сделать его поэтом первого ранга; ибо этот иезуит, согласно суждению, данному о нем одним из наших величайших мастеров, обладал, в других отношениях, потрясающим воображением [5]. Если спросить, почему у иезуитов не было французских поэтов, мы должны спросить, почему в университетах их не было больше, и почему так много современных латиноамериканских поэтов, взятых из разных общин и при любых условиях, не смогли составить двух сносных французских стихотворных строк.

Философия (я имею в виду истинную, ибо школьное обучение - это не что иное, как отбросы) не блистала большим блеском среди иезуитов; но была ли она более блестящей среди других орденов? Почти невозможно, чтобы член какой-либо общины стал великим философом: дух общества, в частности монашеского, и, возможно, более, чем какой-либо другой, деспотичный дух иезуитов, рабская преданность своим начальникам - это такие оковы для разума, противоречащие той свободе мышления, которая так необходима философии. Мальбранш - единственный выдающийся философ, который когда-либо принадлежал к регулярной конгрегации; но эта конгрегация состояла из свободных людей; и, кроме того, Мальбранш, возможно, не столько великий философ, сколько превосходный писатель-философовед.

Если какой-либо орден (кстати) и мог надеяться оспорить у иезуитов превосходство в науках и литературе и, возможно, отобрать у них пальму первенства, то это конгрегация Ораторского искусства, самым выдающимся членом которой был Мальбранш. Свобода, которой пользовались там, никогда не будучи стесненными обетами, разрешение мыслить иначе, чем вышестоящие, и использовать свои таланты по собственному усмотрению, - вот что обеспечило паству Ораторского дома превосходными проповедниками, глубокими учеными, людьми, прославленными во всех отношениях. Соответственно, иезуиты были очень разумны в том, чего им следовало опасаться со стороны таких соперников. Они преследовали их; и члены Оратории имели глупость выставить перед ними слабую сторону, став янсенистами [6]. Таким образом, они послужили предлогом для нападков своих врагов и с горечью наблюдали за разложением своей паствы, вызванным по их собственной вине. Они действительно только сейчас собрали несколько изодранных останков из награбленного иезуитами; но эти останки вряд ли когда-нибудь смогут заменить то, что они потеряли. Кроме того, мы должны отдать им справедливость и признать, что они не выказывали никакого стремления извлечь выгоду из разорения своих противников: общество в свое время испытало на себе со стороны Ораторского искусства умеренность, примера которой они никогда не подавали. Но будь эта умеренность фальшивой или искренней, трудно убедить себя в том, что Ораторское искусство когда-нибудь с блеском оправится от ударов, нанесенных ему иезуитами: лак янсенизма, которым оно все еще запятнано и который заставляет по крайней мере подозревать его у большей части епископов, почти всеобщее предубеждение общественности и большей части магистратов против всех сообществ, какими бы они ни были, и, прежде всего, философский дух, который с каждым днем делает большие успехи, кажется, предвещают конец всего этого, и о других братствах.

Если научная и литературная культура способствовала тому, что общество заслуживало похвалы, а интриги - приданию ему могущества, то другое обстоятельство в немалой степени способствовало тому, что оно стало грозным для своих врагов: и это объединение всех его членов на благо общего дела. В других обществах интересы и взаимная ненависть отдельных лиц почти всегда вредят благу корпуса; но среди иезуитов дело обстоит совершенно иначе. Не то чтобы в этом обществе индивидуумы любили друг друга лучше, чем где бы то ни было; возможно, они даже ненавидят друг друга больше, будучи по самой своей природе шпионами и осведомителями друг друга от рождения; тем не менее, нападая на одного человека из них, вы уверены, что все общество станет вашим врагом. Таким образом, до сих пор Сенат и римский народ, часто разделенные между собой внутренними раздорами, объединялись при одном имени карфагенян или Митридата. Нет ни одного иезуита, который не мог бы сказать, подобно злому духу из Священного Писания: "Имя мне Легион". Республиканец никогда не любил свою страну так, как каждый иезуит любит свое общество: самый низший из его членов заботится о ее славе, лучи которой, как он думает, падают на него самого: нет (если я осмелюсь так выразиться) среди них ни одного, кто не гордился бы ею и не завидовал бы даже своему брату аптекарю или повару. Все они одновременно приводятся в действие этой единственной пружины, которую один человек приводит в действие по своему усмотрению; и недаром их называли "обнаженным мечом, рукоять которого находится в Риме". Любовь, которую они питают к своему обществу, сохраняется почти во всех тех, кто его покинул: будь то настоящая привязанность, основанная на благодарности, или политика, основанная на интересе или на страхе, вряд ли найдется бывший иезуит, который не сохранил бы своих связей со своими старыми братьями; и кто, даже если у него есть основания жаловаться на них, не показывает себя преданным их интересам и готовым защищать их от их врагов. В остальном эта привязанность иезуитов к своему обществу может быть не чем иным, как следствием той гордости, которую оно им внушает, а вовсе не преимуществами, которые оно обеспечивает каждому из его членов. Независимо от небольшого доверия и настоящей дружбы, которые они питают друг к другу, и суровой жизни, которую они ведут в своих домах, отдельные личности, какими бы заслугами они ни обладали, вообще не считаются в корпусе, но пропорционально таланту, которым они обладают к интриганству: скромные заслуги или такие, которые ограничиваются тайным трудом, там неизвестны, мало учитываются, иногда преследуются, если, к сожалению, этого требуют насущные интересы общества. Мы видели, как в те поздние времена отцы Брума и Бужан, последние из иезуитов, имевшие какие-либо истинные и весомые заслуги, умерли от огорчения под тяжестью преследований, которые их братство вынуждено было заставлять их терпеть: эти два человека, которые были великими философами и более просвещенными, чем, казалось, позволяло их жизненное положение, были принесены обществом в жертву шумихе, которую они возбудили; один из них одобрил работу, в которой регент королевства (умерший около двадцати лет назад) подвергся косвенным нападкам; другой - одобрил работу, в которой регент королевства (умерший около двадцати лет назад) подвергся косвенным нападкам. другой - философской шуткой о "языке зверей", за которую его заставили загладить вину, заключив в колледж ла Флеш и обвинив в *составлении* катехизиса, что свело его в могилу, переполненной отвращением и досадой. За сто лет до этого Петау, знаменитый Петау, похоже, постигла почти аналогичная судьба, поскольку он притворился, что до собора в Ницце церковь не была полностью уверена в божественности слова [7]. Он умер в коллегии иезуитов в Париже, покинутый и ни в чем не нуждающийся. Кажется, что устройство общества было таким же, как у древних римлян; *Salus populi suprema lex esto* [8].

Ко всем этим средствам повышения своего авторитета они присоединяют еще одно, не менее эффективное: это регулярность их поведения и манер. Их дисциплина в этом вопросе столь же сурова, сколь и благоразумна; и какую бы клевету ни публиковали по этому поводу, следует признать, что ни один религиозный орден не проявляет меньшего внимания в этом отношении. Даже те из них, кто проповедовал самую чудовищную доктрину, кто писал на самые непристойные темы, вели самую назидательную и самую образцовую жизнь. Именно у подножия распятия благочестивый Санчес написал свое отвратительное произведение: и было сказано, в частности, об Эскобаре, также известном строгостью своих манер и распушенностью своих доктрин, что он очень дорого купил небеса для себя, но легко даровал их другим.

Мы видели, какого успеха искусству иезуитов удалось добиться при французском дворе: их успехи были почти такими же почти при всех других дворах: в начале нынешнего столетия не было в Европе католического монарха, совестью которого они не руководили и от которого они не получали самых заметных милостей; повсюду свирепствовали их враги, и повсюду они подшучивали над своими врагами.

Они не ограничивали свои амбиции Европой; постоянно преисполненные замысла управлять с помощью религии, они посылали в Индию и в Китай миссионеров, которые несли туда христианство для народа и светские науки для князей, вельмож и более просвещенных людей, которых они могли бы этим способом расположить к себе.

Давайте остановимся здесь на мгновение и рассмотрим более подробно, благодаря какому образованию и доктрине иезуиты смогли добиться такого большого прогресса среди христиан и среди тех, кто таковыми не был.

Религия, которую мы исповедуем, основывается на двух моментах: ее догматах и ее морали. Среди его догматов - Троица, Искупление, Реальное Присутствие и т. Д., Которые, по-видимому, сбивают с толку человеческий разум и представляют для его веры только те истины, которые сами по себе являются спекулятивными: такого рода истины, какими бы темными они ни казались разуму и какого бы подчинения они от него ни требовали, не встречают наибольшего сопротивления со стороны толпы: от природы склонные ко всему чудесному, они склонны слепо принимать самые абсурдные ошибки такого рода, и тем более истины, которые всего лишь непостижимы, при условии, что они не противоречат своим принципам. склонности. Поэтому иезуиты проповедовали эти истины со всей их точностью; они хорошо знали, что мало чем рискуют. Но есть и другие догматы, например, о Предопределении и Благодати, которые граничат с практической религией и которые, проповедуемые со всей строгостью неподготовленным умам, были бы мало приспособлены для обращения в свою веру. "Мы должны быть очень осторожны, - сказал мудрый и благочестивый Флери, - не предлагать неверующим сразу те положения нашей веры, которые могут их слишком сильно шокировать". Предположим, что миссионер пришел бы и резко сказал дикарям: "Дети мои, я открываю вам Бога, которому вы не можете достойно служить без его особой милости, которую он решил от века давать вам или отказать вам". "Очень хорошо, - сказали бы ему дикари, "мы будем ждать этой милости, и пока она не придет, мы останемся в нашей нынешней вере". Какого успеха добились бы иезуиты, если бы действовали таким образом? Давайте предположим, что на их месте был бы янсенист, проповедовавший свое непостижимое учение (которое он, тем не менее, скромно называет учением св. Августин и святой Павел), он вскоре был бы либо оставлен

как безумец, либо прогнан людьми с камнями. Иезуиты вели себя гораздо ловчее; они доказали, по словам их врагов, истинность той максимы Священного Писания, что дети тьмы действуют в своих делах с большей осмотрительностью, чем дети света: они проповедовали людям, которых хотели обратить, то пелагианство, которое они исповедуют и которое гораздо больше соответствует слабости и тщеславию человеческой природы; но они не только проповедовали в манере, более подходящей для человечества, чем это сделали бы янсенисты; они проповедовали также более искусно, чем это сделал бы сам Пелагиус. Ересь этого монаха не имела того успеха, который могла бы иметь, потому что остановилась на полпути. Пелагий, восстановив свободу в ее правах, наложил на нее суровые узы моралью, которую он рекомендовал практиковать: эта мораль была моралью христианской религии во всей ее строгости, отречении от самого себя, самом суровом покаянии и вечной борьбе со страстями. Иезуиты понимали, что эти тягостные обязанности созданы не для общего дела человечества, и именно их они хотели привлечь к себе. Смягчив то, что доктрины Предопределения и Благодати кажутся слишком суровыми, они сделали то же самое с тем, что узы, налагаемые христианством, слишком сложны. Великие личности по большей части в силу своего образования суеверны, невежественны и предаются своим страстям. Иезуиты разрешали им иметь любовниц при условии, что они проявляли ревность к религии и привязанность к ее внешним формам, которые являются не более чем своего рода развлечением, когда страсти удовлетворены, и которые, кроме того, служат для совести, которая еще плохо просвещена, в качестве успокоителя или, если хотите, паллиатива в часы угрызений совести. Они следовали почти такому же плану в отношении всех тех, кем они руководили, и преуспели в создании с помощью этих средств большого числа партизан. Иезуитский дух в манере преподавания религии довольно хорошо описан в определении, которое аббат Буало дал этим отцам: “Это (сказал он) люди, которые удлинняют символ веры и укорачивают десятисловие”.

Я не могу не отметить по этому поводу одно странное противоречие человеческого разума в вопросах религии. Янсенисты - это одновременно то, чем, кажется, невозможно быть одновременно, сторонники Предопределения во взглядах и ригористы в морали: они говорят человеку: “У тебя есть великие обязанности, которые нужно выполнять, но ты ничего не можешь сделать сам; и что бы ты ни делал, какие бы человеческие добродетели ты ни практиковал, каждое твое действие будет **НОВЫМ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ**; по крайней мере, если Бог не освятит тебя своей благодатью, которой ты не получишь, если не будешь предопределен к этому безвозмездно и до предвидения твоих заслуг”. Следует признать, что это учение мягкое, приспособленное к утешению и, прежде всего, последовательное! Но в такого рода вопросах дело не в том, чтобы быть последовательным и разумным; характер догматизирующего человека, а не логика, диктует ему, что он должен проповедовать. Янсенист, безжалостный по своей природе, в равной степени таков и в своих доктринах, и в морали, которой он учит; его мало смущает, что одно противоречит другому: природа Бога, которого он проповедует (и который, к счастью для нас, принадлежит только ему одному), состоит в том, чтобы быть суровым, как он сам, как в том, что он хочет, чтобы мы делали, так и в том, во что он желает, чтобы мы верили. Что подумали бы о монархе, который сказал бы одному из своих подданных: “У вас на ногах кандалы, и у вас нет власти снять их; однако сейчас я сообщаю вам, что если вы в настоящее время не будете ходить, причем в течение длительного времени, очень прямо, по краю пропасти, на которой вы сейчас стоите, вы будете приговорены к вечному наказанию” [9] ?” Таков Бог янсенистов; такова их теология в ее первоначальной чистоте. Пелагий в своем заблуждении был более разумным. Он сказал человеку: “Ты можешь все; но тебе еще многое

предстоит сделать”. Это учение было менее шокирующим для разума, но, тем не менее, очень неудобным и надоедливым. Иезуиты, если можно так выразиться, сбили цену Пелагиуса: они сказали христианам: “Вы можете все, и Бог требует от вас лишь немногого”. Именно так мы должны говорить с плотскими людьми, и особенно с великими нашего времени, когда бы мы ни хотели, чтобы они нас выслушали.

Это не единственные меры предосторожности, которые они приняли, ибо они продумали все. У них были (действительно, в небольшом количестве) суровые казуисты и режиссеры; по сравнению с небольшим числом тех, кто по характеру или угрызениям совести хотел навязать, во всей его суровости, ярмо Евангелия. Таким образом, сделав себя, если воспользоваться выражением, “всем для всех”, в соответствии с изречением Священного Писания (смысл которого они действительно немного утаили), с одной стороны, они приобрели себе друзей всякого рода; а с другой стороны, они заранее опровергли, или думали, что опровергли, возражение, которое могло быть им выдвинуто, относительно всеобщего учения о распущенности нравов и того, что сделали это единообразной доктриной своего общества. Этот полный ассортимент, рассчитанный на любой вкус, довольно хорошо описан в следующих известных линейках Despréaux:

Si Bourdaloue un peu sévère

Nous dit, craignez la volupté,

Escobar, lui dit-on, mon père,

Nous la permet pour la santé.

Следует также отметить, что большинство тех иезуитов, которые были столь суровы в своих писаниях или проповедях, были менее суровы по отношению к своим кающимся. О самом Бурдалу говорили, что, если он требовал слишком много за кафедрой, он ограничивал это на исповедальне: новый политический ход, хорошо понятный иезуитам, в той мере, в какой спекулятивная строгость подходит людям с жесткой моралью, а практическая снисходительность привлекает толпу.

В Китае они применяли еще другие методы: они облегчали людям иго, которое сами же на них и наложили, позволяя им приобщаться к практическим обязанностям христианства, к некоторым церемониям религии страны, к которым слишком крепко была привязана толпа, повсюду суеверная и буйная.

Эта философия, столь чисто человеческая, которая видит в рвении иезуитов и многих других идти и проповедовать религию на крайности земли не что иное, как средство, которым они пользуются, чтобы стать значимыми и могущественными, считает самыми искусными из своих миссионеров тех, кто знает, как лучше всего достичь этой цели. Поэтому мы не должны удивляться, если общество немного удивлено количеством оскорблений и криков, объектом которых были эти отцы, из-за китайских суеверий, которые они допускали по отношению к своим новообращенным. В этом, а также во всем остальном своем поведении, вплоть до самого момента своего уничтожения, они доказали, мы повторяем это, что они знали человечество лучше, чем их противники: они поняли, что им не следует пугать или вызывать отвращение у

своих новообращенных, запрещая им некоторые национальные обычаи, которые были дороги им и которые они все еще в своей власти интерпретировать так, как им заблагорассудится. Папа Григорий, которого называют Великим и который, безусловно, был человеком здравого смысла, кажется, если мы можем верить иезуитам, подал им в этом отношении пример: они, по крайней мере, претендовали на авторитет этого. Монах Августин, которого этот папа послал в Англию, чтобы обратить людей, которые все еще были варварами, консультировался с ним по поводу некоторых остатков церемоний, частично цивилизованных, частично языческих, от которых новообращенные не желали отказываться: он спросил Григория, может ли он разрешить им эти церемонии. “Невозможно избавиться, - ответил этот папа, - от суровых умов, от всех их привычек сразу: мы взбираемся на крутую скалу не прыгая на нее, а карабкаясь вверх шаг за шагом”. Здесь мы видим принцип, по которому иезуиты якобы вели себя в Китае. Они были убеждены, что без этой снисходительности религия, которую они проповедовали, там даже не была бы услышана. Я не сомневаюсь, но какими бы искусными они ни были (или, скорее, такими, какими они были), они еще больше смягчили ситуацию по другим пунктам: и нельзя отрицать, что они преуспели в отношении своих собственных взглядов; поскольку, в конце концов, они хотели править там не Богом и не христианством, а обществом под этими респектабельными названиями.

Более того, ни суровая мораль религии, ни доктрины благодати, в искажении которых их обвиняли, не излагаются в Писании в столь исключительной форме, что мы не встречаем там также нескольких отрывков, благоприятных для самых умеренных мнений: и мы можем легко поверить, что иезуиты воспользовались этими отрывками по примеру стольких сект, которые нашли в Библии и у отцов церкви материал для поддержки своих мнений, в то время как их противники нашли там аналогичный способ бороться с ними. Священные Писания - это, если можно так выразиться, общие арсеналы, к которым прибегает каждый, чтобы вооружиться с головы до ног и именно так, как ему заблагорассудится. Соответственно, не без оснований католическая церковь решила, что только ей принадлежит разъяснять неверующим истинный смысл Священного Писания и отцов церкви: истину, от которой мы не можем отклоняться, не подвергая себя опасному пирронизму в вопросах доктрины.

Что очень странно и должно показаться еще более странным прозелитам, которых они отправились привлекать на расстояние пяти тысяч лье от нашего европейского континента, так это то, что в то время как иезуиты проповедовали христианство на свой манер, другие миссионеры, их враги, монахи и светские люди, проповедовали его совершенно по-разному тем же самым людям, предупреждая их, в то же время, под страхом проклятия, не верить в катехизис иезуитов. Мы можем судить о том эффекте, который произвели бы эти состязания. “В самом деле, джентльмены, ” сказал им император Китая, - вы берете на себя много хлопот, заходя так далеко, чтобы проповедовать нам противоречивые мнения, по поводу которых вы готовы перегрызть друг другу глотки”. Представив им это представление, он предоставил им проповедовать столько, сколько они пожелают, убежденный, что такие апостолы не могут иметь большого успеха. Кроме того, для блага своей страны он воспользовался резиденцией иезуитов, которые гораздо больше говорили при дворе об астрономии и натурфилософии, чем о Троице и религии, и которым в конце концов удалось вызвать подозрение или презрение к другим миссионерам.

Дело не в том, что они не были готовы подвергнуть себя величайшим опасностям и даже смерти ради той религии, которую они представляли в виде пародии на свою манеру проповедования и которая служила лишь инструментом для удовлетворения их честолюбивых замыслов. Когда император Японии счел нужным (по причинам, которые казались ему непреложными) истребить христианство на своих территориях, иезуиты имели там своих мучеников, а также других, и даже в большом количестве. Читатель не удивится этому, когда узнает, что рассказал мне человек, в высшей степени заслуживающий доверия. Он был особенно знаком с одним иезуитом, который двадцать лет проработал в миссиях Канады; и который, хотя и не верил в Бога, как он признался в частном порядке этому другу, двадцать раз смотрел в лицо смерти во имя религии, которую он с успехом проповедовал дикарям. Этот друг объяснил иезуиту несостоятельность его рвения: “Ах! - ответил миссионер. - Вы не представляете, какое удовольствие испытываете, привлекая внимание двадцати тысяч человек и убеждая их в том, во что мы сами не верим”.

Таков дух метода, которому следовали иезуиты, успешно обучая человечество тому, что они называли религией и христианской моралью. Такова была умеренная доктрина, которую они проповедовали при дворе Людовика XIV. и с помощью которой им удалось стать такими приятными. Соответственно, главным образом при правлении этого князя власть, кредит и богатство иезуитов получили во Франции такое огромное распространение: именно при этом правлении им удалось поставить духовенство в зависимость от себя (мы можем даже сказать, в рабство) путем распоряжения бенефициями, которыми последовательно распоряжались отцы Лашез и ле Телье, королевские исповедники; именно при этом правлении они преуспели, вследствие нужды, в которой нуждались епископы, в вымогательстве, даже когда они отваживались они, их уверенность или видимость их уверенности, и в получении руководства несколькими семинариями; в которых молодежь, предназначенная для церкви, воспитывалась в их доктринах и в ненависти к своим врагам: именно при этом правлении им удалось, путем порицания или очернения других орденов и светских духовных лиц, захватить большое количество колледжей или, по крайней мере, получить разрешение на основание новых: именно при этом правлении они преуспели настолько, благодаря доверию и вниманию, которые оказал им Людовик XIV, что привлекли к себе весь двор. в их колледж в Клермоне. Мы до сих пор помним знак лести, которым они наградили этого монарха, лишив колледж названия, которое он носил, - *Общество Иисуса*, чтобы назвать его колледжем *Людовика Великого*; и никто не знает латинского дистиха, который был сделан по этому случаю и в котором общество упрекали “в том, что оно не признает никакого другого Бога, кроме короля”. Таким образом, они представляли их одновременно идолопоклонниками деспотизма, чтобы сделать их мерзкими, и проповедниками цареубийства, чтобы сделать их одиозными: эти два обвинения могли показаться несколько противоречивыми, но задача заключалась не в том, чтобы говорить точную правду; речь шла о том, чтобы сказать об иезуитах как можно больше плохого.

Наконец, то, что довершило могущество и славу общества, произошло при Людовике XIV. иезуитам удалось уничтожить или, по крайней мере, притеснить во Франции протестантов и янсенистов, их извечных врагов; протестантов, содействовав отмене Нантского эдикта, этого источника депопуляции и зла в этом королевстве; янсенистов, лишив их церковных званий, вооружив против них епископов, заставив их отправиться проповедовать и писать в чужие страны, где даже эти несчастные люди все еще подвергались преследованиям.

При этом самом правлении, при котором иезуиты были так могущественны и грозны, им были нанесены самые страшные удары, возможно, более страшные, чем все, что они испытывали до того времени. Мольбы Паскье и Арно были всего лишь напыщенными сатирами, причем в дурном вкусе: *провинциальные письма* нанесли им гораздо более смертельную рану: это мастерское произведение остроумия и красноречия отвлекло и возбудило негодование всей Европы за их счет. Напрасно они отвечали, что большая часть теологов и монахов так же, как и они, проповедовала скандальную доктрину, в которой их упрекали: их ответы, плохо написанные и полные желчи, не были прочитаны, в то время как все знали *Провинциальные письма* наизусть. Это произведение тем более достойно восхищения, что Пасхалий, сочиняя его, по-видимому, угадал две вещи, которые, казалось, не созданы для гадания, - язык и шутку. Язык был очень далек от формирования, как мы можем судить по большей части произведений, опубликованных в то время и чтение которых невозможно вынести: в *провинциальных письмах* нет ни одного устаревшего слова; и эта книга, хотя и написана более ста лет назад, кажется, что она была написана только вчера. Другая попытка, не менее трудная, заключалась в том, чтобы заставить остроумных людей и добропорядочных людей смеяться над вопросами о *достаточной благодати, следующей власти* и решениями казуистов - субъектов, очень мало склонных к шуткам или, что еще хуже, восприимчивых к холодным и однообразным шуткам, способных в лучшем случае рассмешить только священников и монахов. Чтобы избежать встречи с этим камнем, необходимо было обладать тонким вкусом, тем более что Пасхаль жил очень уединенно и вдали от мирской торговли: он никогда не смог бы отличить, кроме как благодаря превосходству и тонкости своего понимания, тот вид остроты, который только и мог быть по вкусу хорошим ценителям в этом сухом и безвкусном деле. Ему это удалось неописуемо: некоторые из его бонмотов даже вошли в поговорку в нашем языке, а "*Провинциальные письма*" всегда будут считаться образцом вкуса и стиля. Следует только опасаться, что изгнание иезуитов, уменьшившее интерес, который мы проявляли к этой книге, может сделать ее прочтение менее острым и, возможно, однажды привести к тому, что о ней забудут. Это участь, которую должен постичь самый красноречивый автор, если он пишет не на темы, полезные для каждой нации и для всех эпох: продолжительность произведения, какими бы достоинствами оно ни обладало в других отношениях, почти обязательно связана с продолжительностью его объекта. *Пасхалистские* мысли, значительно уступающие *мыслям провинциалов*, проживут, возможно, дольше, потому что есть все основания полагать (что бы ни говорило об этом скромное общество), что христианство просуществует дольше, чем они.

The *Провинциалы* были бы, возможно, более уверены в бессмертии, которого они заслуживают во многих отношениях, если бы их прославленный автор, этот гений столь возвышенный, столь универсальный и столь малообразованный для того, чтобы интересоваться схоластической чепухой, одинаково выставил на посмеище обе партии. Шокирующая доктрина Янсениуса и Сен-Сирана оставляла ей по меньшей мере столько же места, сколько гибкой доктрине Молины, Тамбурина и Васкеса. Каждая работа, в которой мы с успехом приносим жертвы фанатикам общественного смеха, которые беспокоят друг друга, существует даже после того, как этих фанатиков больше нет. Я мог бы рискнуть предсказать это преимущество главе о *янсенизме*, которую мы с таким удовольствием читаем в превосходном *Эссе по всеобщей истории* самого приятного из наших философских авторов. Ирония в этой главе рассыпана направо и налево с деликатностью и непринужденностью, которые должны вызывать неизгладимое презрение как у того, так и у другого и заставить их устать перерезать друг другу глотки из-за бессмысленных фантазий. Мне кажется, я вижу кота Фонтейна [10], перед которым

кролик и ласка предъявляют свой иск по поводу жалкой норы, за которую они борются; и который, в порядке принятия решения,

Jettant des deux côtés la griffe en même tems,

Met les plaideurs d'accord en croquant l'un & l'autre.

Пожалуй, никто лучше этого прославленного писателя не способен составить историю теологических споров, чтобы представить их одновременно и одиозными, и смешными и тем самым навсегда избавить человечество от этого постыдного и ужасного бедствия.

"*Практическая мораль иезуитов*", написанная доктором Арно и вышедшая вскоре после "*Провинциалов*", хотя и значительно уступающая по достоинству, нанесла завершающий удар по обвинению этих отцов в одиозности, которую они никогда не смогут смыть. Это неблагоприятное и глубокое впечатление, которое постоянно сохраняется при чтении этих книг, даже сейчас, по прошествии столетия, нашло умы, склонные верить всему дурному, что говорилось об иезуитах, и одобрять все зло, которое было им причинено. Термин *иезуитская мораль* был, так сказать, освящен в нашем языке для обозначения распушенной морали, а термин *эскобарство* для обозначения искусной лжи: и мы знаем, какой вес имеет модный способ выражения, особенно во Франции, для придания доверия мнениям.

Иезуитам, заряженным с того времени такой ненавистью и таким количеством обвинений, вскоре предстояло стать жертвами этого нападения: они восторжествовали при первой же ярости нападения и становились тем могущественнее, чем более воодушевленными против своих врагов и тем более грозными для них. И все же с какими врагами им приходилось иметь дело? С людьми величайших достоинств и репутации, чье уважение к публике все еще возрастало из-за самих их преследований; Арно, Николь, Саси; одним словом, все писатели знаменитого дома Порт-Рояль. Общество должно было бояться этих противников гораздо больше, чем простых теологов, которых обычные люди не слушают, не понимают и не уважают: они были великими философами (настолько великими, по крайней мере, насколько это было возможно в те дни), людьми первого класса в литературе, превосходными писателями и людьми безукоризненного поведения. У них были в королевстве и даже при дворе респектабельные и ревностные друзья, которых они приобрели благодаря своим талантам, добродетелям и выдающимся заслугам, которыми литература была им обязана. Общая и рациональная грамматика, получившая название *грамматики Порт-Рояля*, поскольку они были ее авторами; превосходная *Логика* называемая тем же именем; *греческие корни*; их выученные грамматики греческого, латыни, итальянского и испанского языков - таковы были достижения этого свободного и респектабельного общества. Знаменитый Расин был их учеником и сохранил с ними, так же как и Депрео, его друг, самые тесные связи: их труды по религии и морали читала и почитала вся Франция; а мужественный и правильный стиль, в котором они были написаны, больше всех, кроме *провинциалов*, способствовал совершенствованию нашего языка, в то время как иезуиты все еще считали среди своих французских писателей только де Барриса и де Гаррасса. Какая жалость, что эти писатели из Порт-Рояля, эти люди столь выдающихся достоинств, потратили столько гения и времени на нелепые споры о хорошей или плохой доктрине Янсениуса, на праздные и бесконечные дискуссии о свободе воли и благодати и на важный вопрос, есть ли пять непонятных положений в книге, которую никто не читает? Замученные, заключенные в тюрьму, сосланные за эти тщетные споры и постоянно занятые защитой столь тщетного дела, сколько лет их жизни философия и письма, о которых можно

сожалеть как об утраченных! Какого света не добавили бы они к тому, которым уже осветили свой век, если бы их не увлекли эти несчастные и жалкие развлечения, столь недостойные занимать мысли таких людей, как они! Можем ли мы отважиться сказать немного подробнее об этом, рискуя на мгновение отклониться от нашей темы? Может ли разум удержаться от пролития горьких слез, когда он видит, сколько полезных талантов похоронили раздоры, так часто возбуждавшиеся в лоне христианства? сколько веков эти жалкие и скандальные состязания разрушили человеческое понимание? а сколько гениев, созданных для открытия новых истин, использовали (к великому сожалению истинной религии) всю свою проницательность и способности для поддержки или придания репутации древним абсурдам? Когда мы просматриваем в обширной королевской библиотеке первое отделение необъятных размеров и обнаруживаем, что оно предназначено по большей части для бесчисленного собрания самых дальновидных комментаторов Священных Писаний, авторов-полемистов по вопросам, лишенным всякого смысла, школьных богословов всех мастей; короче говоря, из стольких трудов, из которых нельзя почерпнуть ни единой страницы истины, можем ли мы удержаться от крика скорби (*ad quid perditio hæc?*)? “С какой целью все эти потери?” Опять же, человеческая природа не заслуживала бы особого сожаления, если бы все эти легкомысленные и абсурдные предметы, эти *святые мелочи*, как называет их знаменитый судья [11], закончились бы только сквернословием и не вызвали бы пролития потоков крови. Но давайте закроем глаза на эти мрачные объекты и сделаем еще одно размышление, столь же утешительное, сколь и унижительное для человеческого разума. Как возможно, что тот же самый вид существ, который изобрел искусство письма, арифметику, астрономию, алгебру, химию, часовое дело, искусство ткачества, короче говоря, так много вещей, достойных восхищения в механических и свободных искусствах, изобрел философию и богословие школ, судебную астрологию, сопутствующее собрание, разностороннюю и гармоничную грацию, победоносное наслаждение, абсолютные случайности и так много других глупостей, которые привели бы к отстранению от должности по решению суда человека, который должен был бы первым затронуть их в наши дни? Платон определял человека как “животное с двумя ногами без перьев”. Каким бы нелепым ни казалось это определение, возможно, было трудно (если оставить в стороне светила религии) иначе охарактеризовать человеческий род, который, с одной стороны, благодаря гениальным произведениям приблизился к небесным существам, а с другой - благодаря тысяче невероятных признаков безумия и жестокости поставил себя в один ряд с самыми глупыми и свирепыми животными. Когда мы измеряем интервал между Скотом и Ньютоном, или, скорее, между работами Скотта и Ньютона, мы должны воскликнуть вместе с Теренсом: *Homo homini quid præstat!* “Какая разница между человеком и немолодой женщиной!” Или мы должны приписать это огромное расстояние только огромной разнице в возрасте и с грустью думать, что *утонченный и нелепый доктор*, который написал так много химер, вызывающих восхищение у его современников, , возможно, был Ньютоном в более просвещенную эпоху? Давайте хорошенько взвесим все эти размышления; давайте добавим к ним изучение церковной истории, эти календари добродетели одних людей и слабости, порочности стольких других; давайте увидим в этой истории бесчисленные узурпации духовной власти; грабежи и насилия, осуществляемые под предлогом религии; так много кровопролитных войн, так много жестоких преследований, так много убийств, совершенных во имя Бога, который их ненавидит; и у нас будет почти точный перечень преимуществ, которые споры о христианстве принесли нам. навлекли на человечество.

Возвращаясь к иезуитам, к назначению отца ле Телье на место духовника Людовика XIV. предоставил им возможность в полной мере осуществить свою месть. Этот жестокий и непреклонный человек, ненавидимый самими своими братьями, которыми он управлял железным прутом, заставил янсенистов выпить “до дна”, по его собственному выражению, “из чаши общественного негодования”. Едва он оказался на месте, как они предвидели зло, причиной которого он станет, и философ Фонтенель сказал, узнав о его назначении: “Янсенисты согрешили”.

Первым подвигом этого свирепого и пламенного иезуита было разрушение Порт-Ройяла, где не осталось камня на камне от другого, и откуда они выкопали те самые трупы, которые были там похоронены. Это насилие, совершенное с последним варварством против дома, respectable из-за знаменитых особ, населявших его, и против бедных монахинь, более достойных сострадания, чем ненависти, вызвало крики по всему королевству: эти крики дошли эхом даже до наших дней; и сами иезуиты признались, увидев зрелище их разрушения, что камни Порт-Ройяла падали им на головы, чтобы раздавить их самих.

Но негодование, которое вызвало у них разрушение Порт-Ройяла, было ничем по сравнению с общим переполохом, который вызвала булла *Unigenitus*. Несомненно, что эта булла была их работой: мы знаем также всеобщее противодействие, которое она вызвала почти во всех государственных структурах: мы знаем интриги, мошенничество, насилие, которые применялись на практике, чтобы добиться ее принятия. Мы можем вспомнить этого Людовика XIV. преуспев в том, чтобы оно было принято (частично нечестными, частично честными средствами) собранием из сорока прелатов, он с болью увидел девять епископов, которые оставались в оппозиции к нему: он мог бы пожелать, для успокоения своей совести, полного единообразия в епископском корпусе. “Это очень просто, ” сказала ему герцогиня, его дочь, “вам нужно только приказать сорока кандидатам придерживаться мнения девяти остальных”. Осужденные положения были, по большей части, выбраны настолько неудачно, что утверждается, что великий князь, прочитав их в булле, принял их за истины, которым она предписывала верить, казался наставленным ими и был очень удивлен, хотя и был смирного нрава, когда его духовник развенчал его.

Магистраты были не последними, кто выступил против этой буллы. Они были особенно шокированы осуждением девяносто первого предложения. “Страх перед несправедливым отлучением от церкви никогда не должен мешать нам выполнять наш долг”. Наученные печальными последствиями раздоров между Духовенством и Империей на протяжении стольких веков, они поняли, как легко было воспользоваться этим осуждением, чтобы угрозами отлучения от церкви отвести народ от верности, которой он обязан своему государю. В столь опрометчивом осуждении они увидели тайную попытку, которую иезуиты и римский двор хотели предпринять против наших принципов светской независимости королей. Никто не подписывался ни с какой скромностью под Анафемой, выдвинутой против столь очевидного утверждения, но ограничил его мучительным смыслом, которого в нем нет, судя о нем (что нелепо в таком случае) как о мнимом намерении автора в пользу отлученных от церкви фанатиков. Кто сомневается, что фанатики не могли бы злоупотребить истиной, заключенной в этом предложении, чтобы избежать любого отлучения от церкви, которое они сочтут несправедливым? Но является ли злоупотребление истиной, которое может быть допущено, причиной для ее запрещения? Было бы ли само Священное Писание защищено от стигматизации, основанной на подобных мотивах?

Тем не менее, несмотря на противодействие магистратов, булла была зарегистрирована; все подчинялось, добровольно или насильно, королевской власти: ярость, с которой отец ле Телье, автор этого странного произведения, преследовал всех его противников, зашла так далеко, что сами иезуиты, хотя и давно привыкшие к насилию, пришли в ужас при виде него и сказали вслух: “Отец ле Телье гонит с такой скоростью, что он нас опрокинет”. Возможно, они и не думали, что в их словах было столько правды. Именно эта булла и гонения, которые она вызвала, спустя пятьдесят лет нанесли иезуитам смертельный удар: мы увидим это в продолжении этого рассказа. Но, возможно, не лишним будет заранее понаблюдать за поведением и проектами отца ле Телье. Многие люди полагают, что этот иезуит был лжецом, лишенным религии, сделавшим ее респектабельное имя рабом своей ненависти; гораздо более вероятно, что на самом деле он был фанатиком, который, будучи убежден в благости своего дела, думал, что ему позволено все, чтобы обеспечить торжество того, что он считал *здравой доктриной*. В то же самое время, когда он преследовал янсенистов, он обвинил Фонтенеля перед Людовиком XIV. как атеист, за то, что написал *Историю оракулов*. Фонтенель, ученик иезуитов, их друг во все времена, а также великий Корнель, его дядя, также не одобрявший доктрину и мораль янсенистов, насколько философ может не одобрять теологические мнения; короче говоря, всегда сдержанный по отношению к религии, как в своих беседах, так и в своих сочинениях; таков был человек, которого ле Телье хотел погубить, в то самое время, когда он стремился сокрушить Кенеля и его сторонников. Вел бы он себя подобным образом, если бы им не руководил принцип убеждения?

К счастью для Янсенизма и философии, эпохи Людовика XIV. умер. Ле Телье, охваченный общественным презрением, был сослан в ла Флеш, где за короткое время закончил жизнь, ненавистную всей нации. Герцог Орлеанский - регент, являющийся во всех отношениях противоположностью Людовику XIV. не был расположен ни к насилию против общественного шума, вызванного Unigenitus constitution, ни к грубому оскорблению папы и епископов, которые были слишком увлечены, чтобы отступить: он добился почти бесшумного принятия этой роковой буллы, которая, будучи представлена иезуитами, вызвала такой большой шум; поддержанный философами, которые окружали его и которые с этого времени начали привлекать к себе внимание; поддержанный прежде всего своим министром Дюбуа, чей образ мыслей в вопросах религии был хорошо известен, он положил конец этому богословскому спору, который вызвал большой резонанс. насмешка, которая положила этому конец.

Иезуиты, хотя и стали менее могущественными во время регентства, тем не менее, за короткое время восстановили место духовника короля, которого они были на короткое время лишены: утверждается, что их восстановление при дворе было одним из секретных пунктов воссоединения Франции и Испании в 1719 году. Добавляется, что этот предмет был приобретен под руководством иезуита д'Обентона, духовника Филиппа V. и чрезвычайно влиятельного при мадридском дворе. Ради чести министров, которая была у Франции в то время, мы должны поверить, что этот анекдот сказочен.

Все остальное по отношению к иезуитам было мирным в течение оставшегося периода регентства и последующего министерства: они стремились только к тому, чтобы прокормить себя, не поднимая особого шума. Кардинал Флери, который их не любил, тем не менее был убежден, что их следует всячески защищать, “как самую прочную опору религии”, поддержание которой этот министр рассматривал как часть государственного управления. Подобный образ мыслей кардинала Флери по отношению к иезуитам выражен в некоторых его

рукописных письмах, которые я прочитал. “Они, ” сказал он далее, “ отличные слуги, но плохие хозяева”. Следуя этому принципу, он обращался с ними вежливо во время своего служения, но не оказывал им никаких знаков явного расположения: напротив, он значительно возвысил (и иезуиты были не в большей степени довольны им за это) общину Сульпицианов, которые были гораздо менее прославленными и менее могущественными, но и менее грозными. Кардинал Флери, враг янсенистов, которых он считал опасными, и в то же время очень мало пристрастный к тому, что в своем роде заслуживало какой-либо значительной степени доверия, какого бы рода оно ни было, взял под свое особое покровительство это многочисленное сообщество: у него было все необходимое, чтобы заставить его считать его достойным этого: это сочеталось с достоинством быть чрезвычайно преданным быку, счастьем никогда не поднимать шума. Этот священник наполнил епископства Франции множеством учеников святого Сульпиция, которые заслуживали большей похвалы за свою набожность, чем за свои таланты: таким образом, он посеял первые семена того состояния апатии, в которое, по-видимому, сейчас впало духовенство Франции, но от которого, следует надеяться, они скоро пробудятся; благодаря философскому духу, который в настоящее время просвещает некоторых его членов и который заставляет их справедливо смотреть на фанатизм и невежество как на два истинных бича христианства.

Однако булла, авторами которой были иезуиты и которая встретила такое сильное противодействие, когда появилась, незаметно была принята всеми епископами. Французская нация, которая так охотно шумит и которая еще охотнее устает от шумихи, была ознакомлена с постановлением, которое она поначалу назвала *чудовищным*: каждый принял его с интерпретацией по своему вкусу; ибо такова удивительная привилегия такого рода решений Римской церкви, что люди могут во что бы то ни стало понимать их так, как им заблагорассудится, и подчиняться им, в то же время оставаясь при своем собственном мнении. Янсенизм, до сих пор поддерживаемый (вопреки здравому смыслу) людьми действительно достойными, больше не имел для своей поддержки защитников, кроме тех, кто был достоин такого дела, нескольких бедных и безвестных священников, неизвестно даже, где они жили: лихорадка конвульсий, вызвавшая разногласия в самой партии, сделала их совершенно презренными, сделав их смешными: короче говоря, эта секта, ныне умирающая и презируемая, была при последнем издыхании, когда непредвиденная цепь обстоятельств вернула ее к новой жизни, на которую она надеялась не для того. Гадюка, которую иезуиты считали раздавленной, обладала достаточной силой, чтобы запрокинуть голову, укусить их в пятку и убить. Здесь читателю представлена последовательность причин, вызвавших это странное событие.

У парламентов, которые выступали против общества с момента его зарождения, было слишком много причин придерживаться тех же настроений по отношению к нему. Они были справедливо оскорблены преимуществами власти и кредита, которые она получила вопреки им: прежде всего их задела конституция *Unigenitus*, принятие которой интриги иезуитов вынудили их зарегистрировать; принятие, которое они считали, как мы видели, противоречащим правам короны; и для того, чтобы вырваться вперед, ждали только благоприятного случая, возможно, не льстя себе надеждой, что это когда-нибудь произойдет.

Борьба, вызванная отказом янсенистам в таинствах, была первой искрой пожара, началом этой войны, столь же незначительной по своей первоначальной цели, сколь важной теперь она стала по своим последствиям. Один из главных архиепископов королевства и епископ Мирепуа, его помощник и советник, оба они, полностью убежденные в превосходстве буллы и в

проклятии тех, кто ее отвергнет, решили, подобно последовательным прелатам, приказать отказать янсенистам в причастии под страхом смерти. Такой отказ и раньше предпринимался в некоторых провинциях, но только дважды или трижды, с большими интервалами и без особого шума: теперь считалось, что пришло время снять маску и безоговорочно относиться к врагам буллы *Unigenitus* как к еретикам, отрезанным от церкви. Если мы верим толпе конституционных теологов, то два прелата, авторы и исполнители этого проекта, были в высшей степени правы: но давайте позволим нам изложить здесь (как простым историкам) особые доводы, которые были приведены в их пользу, и те, которые были им противопоставлены. “Булла *Unigenitus*, - говорили ее сторонники, - без сомнения, плохо принятая и даже оплеванная при ее появлении на свет, закончилась тем, что была принята единогласно: во всем христианском мире не было ни одного епископа, который отверг бы это постановление римского двора, хорошее или плохое: было бы напрасно говорить, что оно опровергало принципы христианства; что принятие его не было бесплатным; что одни приняли его из страха, другие из корысти: оно было принято без сопротивления всем собранием пасторов. Итак, здесь мы видим в принципах католической церкви все, что должно служить ориентиром для простых христиан в их вере. Не их дело исследовать ни сами доктрины, ни природу принятия; им достаточно того, что они ясно видят, что видимая церковь принимает их. Под видимой церковью мы понимаем здесь то, что каждый католик понимает под этим термином; то есть папу римского, епископов и почти всю духовенство, светское и регулярное, второго порядка. Какой бы ни была доктрина, которой учит эта видимая церковь, верующие должны твердо верить, несмотря даже на самые убедительные свидетельства обратного, что она всегда учила одному и тому же; в противном случае Иисус Христос не сказал бы правду, обещая этой церкви всегда быть с ней. Отрывки из Священного Писания и отцов церкви, которые могут показаться наиболее явно противоречащими новому катехизису, будут объяснены благоприятным для него образом: только церковь имеет право устанавливать их значение. Одним словом, с того момента, как заговорила церковь, мы должны подчиняться ей, что бы она ни говорила. После Ниццкого собора божественность Иисуса Христа была очень далека от того, чтобы быть принятой пастырским сообществом так торжественно, так универсально, так единообразно, как булла *Unigenitus* была принята в эти последние времена. Тем не менее, после Ниццкого собора ариане с того времени были объявлены еретиками, не противостоящими сторонникам, которые все еще придерживались их. Возможно; это даже не подлежит сомнению, что на соборах, принимавших решения по вопросам веры, многие епископы выступали за правое дело, руководствуясь политическими взглядами, интересами или страстью. Посмотрите, с какой прискорбной легкостью большинство прелатов, которые при Константине заявляли, что Слово есть Бог, впоследствии, при Констанции, заявили, что это был всего лишь человек. Еще раз станьте свидетелем жестокого поведения святого Кирилла и Эфесского собора по отношению к Несторию. Посмотрите, наконец, на интриги, которые слишком часто тревожили эти святые собрания и оскорбляли, если можно так выразиться, Святого Духа, который председательствует в них. Но все же, еще раз повторяю, верующие должны учитывать не мотивы, а результат принятого решения. Только этим результатом они должны руководствоваться: у них было бы слишком много дел, если бы им было необходимо снова вернуться к причинам, которые продиктовали этот указ. Бог обещал своей церкви непогрешимость в ее решениях; но он не обещал каждому человеку чистоты в его мотивах: он использует всевозможные средства, даже страсти человеческие, для того, чтобы истина восторжествовала и стала известной; и он использует человеческие вещи, чтобы добиться успеха в божественных делах ”.

В согласии с этими доводами (о справедливости которых мы никоим образом не претендуем судить) сторонники буллы сочли себя вправе обращаться с янсенистами как с объявленными сектантами. Последние сказали в свою защиту, что вселенская церковь была одержима их делом благодаря призыву, с которым они обратились к будущему собору; и что 'до решения, которого они ждали, они не могли быть изгнаны из ее лона. Был дан ответ, что на группу еретиков, начиная с Пелагия, столь ненавистного современным янсенистам, смотрели как на новаторов и обращались с ними как с новаторами, не будучи явно осужденными каким-либо вселенским собором. Они возразили, что булла на самом деле не предлагала ни одной истины для веры; накопленные характеристики *еретиков*, *smelling heresy*, *of ill sounding*, *of offending pious ears*, и т.д., не были применены ни к одному конкретному предложению отца Кенеля. Некоторые из их противников, следуя примеру прославленного вождя Израиля [12], ответили им (вероятно, подшучивая над ними обоими и над быком), что предлагается "безоговорочно верить в неопределенные истины": другие сказали просто, что в списке ядов нет необходимости четко указывать степень вредоносности каждого из них. , чтобы предупредить людей воздерживаться от них. От янсенистов снова потребовали ответа: как церковь могла бы сохранить один из своих существенных признаков - быть *видимой*, если бы она была сведена к горстке священников, противопоставленных всем остальным пасторам? И они ответили, что истинная церковь, *видимая* церковь - это та, которая учит *явно* здравому учению и которая не допускает, подобно булле, самого возмутительного пелагианства: они добавили, что церковь, *видимая* такой, какая она есть и должна быть, была не менее скрытой внешне в те несчастные времена, когда отцы церкви уверяют нас, что вся вселенная "была поражена, увидев себя арианской". Одним словом, янсенисты ответили своим противникам, как Серторий ответил Помпею,

Rome n'est plus dans Rome; elle est toute où je suis.

Именно так тот и другой защищали свое дело. Мы ничего не говорим о грубых выражениях, которые они к ним добавляли и которые с обеих сторон были достойны их аргументации.

Только магистраты (и этим замечанием не следует пренебрегать) в данном случае противопоставили конституционалистам доводы, на которые нельзя было ответить: они заявили, что доктрина, проповедуемая или санкционируемая буллой, противоречит законам королевства и, следовательно, не должна служить поводом для недовольства. На это магистраты были компетентными судьями, и сторонникам буллы нечего было ответить: хранителям закона надлежит решать, что соответствует ему, а что противоречит; и этот вопрос не входит в компетенцию церкви.

Несомненно, кроме того, что все эти отказы от таинств, вызванные буллой, встревожили частные семьи; что они посеяли раздор среди народа; что с этой точки зрения, по крайней мере, магистраты должны принять это к сведению и использовать, как они и сделали, авторитет законов, чтобы положить конец беспорядкам. Но неудобства, сопровождающие состязания в теологии, наносящие ущерб общественному спокойствию, являются плодом ошибки, которая была допущена во Франции, и почти везде еще, связывающей гражданские дела с религией, требующей, чтобы гражданин Парижа был не только верным подданным, но и добрым католиком и столь же скрупулезно добывал святой хлеб, как и платил налоги. Пока этот дух будет существовать среди нас, максима, которую так часто плохо используют фанатики, "Что лучше повиноваться Богу, чем человеку", будет непреодолимым препятствием для самых благоразумных мер правительства и должностных лиц по подавлению религиозных распри;

потому что людям больше нравится повиноваться хозяину по их собственному выбору (и который, в конце концов, приказывает им делать только то, что им нравится), чем хозяину, которого они не выбирали и который предписывает им то, что им не нравится. В Голландии, где янсенисты образуют абсолютно отдельную церковь, о которой правительство ничего не знает и оставляет в покое, они не являются ни причиной, ни объектом каких-либо беспорядков. Только благодаря сдержанной терпимости (в равной степени признаваемой религией и политиками) мы можем предотвратить то, чтобы эти легкомысленные споры противоречили спокойствию государства и единству подданных. Но когда же мы увидим это счастливое время?

Как бы то ни было, янсенисты, с которыми после их смерти обращались как с отлученными от церкви, восстали против этого нового преследования. Парламент, который весьма недоброжелательно зарегистрировал буллу, взялся за их защиту; он изгнал отцов церкви, отказавшихся причащаться умирающих янсенистов; архиепископ, со своей стороны, запретил им и лишил своих мест тех священников, которые повиновались парламенту; и несчастные *Богоносцы* (так их называют), имея перед глазами изгнание с одной стороны и голод с другой, оказались перед печальной альтернативой. Разумные люди были удивлены, что архиепископ, виновник их несчастья, не пошел и не явился в парламент, не заявил, что они не делали ничего, кроме как по его приказу, и не стал жертвой стольких невинных. У них было тем больше оснований ожидать этого, что добродетель этого прелата и его искренность в этом деле ни в коем случае не вызвали подозрений. Янсенисты называли его гонителем и раскольников; придворные - упрямым; его сторонники сравнивали его со святым. Афанасий, которого придворные того времени также (по их словам) называли упрямым и мятежным.

Спор становился все более и более жарким: суд безуспешно пытался положить ему конец; янсенисты нашли средства вызвать своей смертью больше неприятностей, чем при жизни; парламенты и архиепископ были сосланы по очереди. Наконец король, справедливо устав от этих споров, отозвал магистратов и совместно с ними заставил замолчать как сторонников, так и противников буллы.

Этот закон молчания, правда, соблюдался не слишком хорошо; он был особенно нарушен восхвалениями, которыми его осыпали янсенисты: они напечатали большие тома, чтобы доказать, что молчать необходимо; они напоминали Педанта из Мольера, который после долгого разговора и множества глупостей, наконец, обещает хранить молчание [13] и, чтобы показать, что он выполняет свое обещание, ежеминутно прерывает разговор, замечая, что *он не открывает рта*.

Конституционисты, со своей стороны, имели наглость заявить, что король не имел права предписывать безумным подданным хранить молчание по поводу нелепого предмета, который будоражил их воображение; что ШЕСТОЙ генеральный собор *предал анафеме тип* императора Констанция, что также было, как они утверждали, не чем иным, как *законом о молчании*. Янсенисты ответили, что этот собор поступил еще лучше, *предав анафеме* папу Гонория.

Король, занятый, как хороший отец, по выражению одного знаменитого автора, разлучением своих сражающихся детей, желал поддержать себя авторитетом, уважаемым обеими партиями, и особенно самой многочисленной: он счел уместным проконсультироваться по этому вопросу, взволновавшему всю Францию, с покойным папой Бенедиктом XIV. человек понимающий, который не любил иезуитов и который в глубине души презирал эту полемику. Папа ответил, как хитрый итальянец; с одной стороны, он предписал принять буллу, работу одного из

своих *непогрешимых* предшественников, которую он не мог прилично осудить; с другой стороны, в то же время он заявил, что янсенисты, отвергшие ее, тем не менее, должны были совершить таинства перед смертью, “но на свой страх и риск”, и после того, как им *подробно объявили* об опасности, которой они подвергались в отношении своего вечного спасения. С этого периода отказы от причастий стали менее частыми; янсенисты и их противники думали, что у них одинаковый папа для них, и спокойствие, казалось, почти восстановилось.

Это не уменьшилось даже из-за шага, который парламент счел себя обязанным предпринять некоторое время спустя, нового протеста против этой буллы *Unigenitus*, принятие которой он зарегистрировал с неохотой. На самом деле оно не ставило под сомнение доктрину буллы; это означало бы посягательство на авторитет церкви, и оно слишком хорошо знало пределы своих собственных прав: оно протестовало только против приведения в исполнение этой буллы, объявив ее противоречащей тому, что во Франции называется “свободами галликанской церкви”. Этот протест не имел той славы, которой заслуживал; он был продолжением ряда сочинений, от которых французское легкомыслие начало уставать. Более того, сторонники буллы даже непристойно, заслуживающей наказания, пошутили над “мнимыми свободами Галликанской церкви”, в силу чего парламент, согласно условиям своих декретов, обязал священников под страхом позорного наказания совершать таинства: они не видели, говорили они насмешливо, как такие декреты поддерживают и поощряют свободу церкви Франции, заставляя ее служителей делать то, чего они, по их мнению, не должны были делать. Этот способ разговора, эти состязания, бесчисленные пьесы, которые из них вытекали, подпитывали легкомысленный нрав и веселье нации: люди смеялись над взаимной враждебностью теологов обеих партий по вопросам, которые ее так мало заслуживали: ибо эта враждебность, хотя и очень обычная для всех возрастов, всегда удивляет и забавляет разумных людей. Все не меньше смеялись, видя, что, несмотря на неоднократные приказы Сорбонны, больше не упоминают о булле *Unigenitus* ни в своих работах, ни в диссертациях, колледж проявил самую упорную привязанность к этой булле, которую он так долго отвергал. Было сказано, что во всех странных вещах, произошедших по этому вопросу, не хватало ничего большего, чем безуспешно запрещать факультету богословия преподавать доктрину, усвоить которую им стоило стольких усилий. Философия, прежде всего, молча смеялась над всеми этими экстравагантностями и забавлялась этой новой переменной обстановки, терпеливо ожидая возможности извлечь из этого выгоду. Те из философов, кто не надеялся на что-либо хорошее в этих ссорах, поступили еще мудрее, посмеявшись над всем этим. Они наблюдали за взаимной злобой янсенистов и их противников с тем бескорыстным любопытством, с каким они наблюдают за боями животных, вполне уверенные, что, что бы ни случилось, в конце концов это вызовет смех над расходами некоторых из них. Столько жестоких ударов, нанесенных обеими сторонами друг другу, еще не достигли иезуитов; занятые, с одной стороны, вооружением епископов против угасающих остатков янсенистов, их врагов, а с другой - тайным подстрекательством французского двора против парламентов, они были тайной душой всей этой войны, по-видимому, не вмешиваясь в нее. Но янсенисты, которые в споре о таинствах добились успеха или, по крайней мере, думали, что добились, мало-помалу осмелели и, казалось, готовились к более решительному удару; и архиепископ, их враг, своим рвением, сам того не подозревая, оттачивал меч, которым вскоре должно было быть пронзено общество.

Две серьезные ошибки, которые иезуиты совершили примерно в то же время в Версале, начали подрывать их авторитет и издали подготавливать их катастрофу. Они отказались, как нас уверяют, из соображений человеческого уважения взять под свое руководство некоторых

могущественных личностей [14], у которых не было причин ожидать от них столь необычной во многих отношениях суровости. Этот нескромный отказ, как говорят, способствовал ускорению их разорения теми самыми руками, которые они могли бы поддерживать: таким образом, эти люди, которых так часто обвиняли в распушенности морали и которые поддерживали себя при дворе только благодаря такой морали, были уничтожены в тот момент, когда они захотели (даже к их собственному великому сожалению) проявить суровость; обильный предмет для размышлений и очевидное доказательство того, что иезуиты с самого начала и до этого времени избрали правильный путь, чтобы прокормить себя, видя, что они перестали существовать в тот момент, когда они отклонились от этого. Добавляется, что в то же время, когда они вызывали недовольство двора своей щепетильностью, они вызывали его недовольство также и своими интригами. Говорили, что они расставили ловушки для некоторых людей, чье преступление в их глазах заключалось в недостатке преданности обществу, единственной стране, которую они знают: обычный эффект такого рода нападений заключается в укреплении авторитета, который они не подрывают; те, кто были объектами иезуитских заговоров, добились этим способом большей благосклонности.

В то время как иезуиты, которых большая часть духовенства скорее боялась, чем поддерживала, настроили против себя парламенты и оттолкнули придворных, пользовавшихся наибольшим доверием, они также обнаружили секрет, вызывающий сильное недомогание группы людей, менее могущественных на вид, но более грозных, чем можно себе представить, - литераторов. Их выступления при дворе и в сити против *Энциклопедии* возбудили против них всех тех, кто желал добра этому труду, а их было очень много; их инвективы в адрес автора "*Генриады*", их старого ученика и в течение долгого времени их друга, разозлили этого знаменитого писателя, который заставил их остро почувствовать, в какой глупости они были повинны, нападая на него. Какой бы ни была наша сила или что бы мы о ней ни воображали, мы никогда не должны становиться врагами тех, кто, пользуясь преимуществом того, что их читают от одного конца Европы до другого, способен одним росчерком пера нанести решающий и продолжительный удар возмездия. Это максима, которую благосклонность и власть сами по себе никогда не должны заставлять ни отдельных людей, ни общества упускать из виду, но о которой иезуиты нашего времени, к своему великому несчастью, похоже, забыли. Лев притворяется спящим, терпит, когда оса жужжит у него в ушах; но в конце концов ему надоедает это слышать, он просыпается и убивает ее. В течение шести лет и более журналисты де Треву и легкие войска, которые *low literature* содержала на свое жалованье, оскорбляли вышеупомянутого знаменитого человека, который, казалось, не знал этого, и позволяли им продолжать. Наконец, устав от того, что его донимает такое количество насекомых, он укрыл мародеров одеялом и заставил замолчать их вождей; и то, что во Франции имеет большое значение для достижения цели, вызвало всеобщий смех как у тех, так и у других. В то время как он выставял иезуитов на посмешище, они сами становились ненавистными для всех здравомыслящих людей нации из-за духа преследования, который они проповедовали в том же журнале Треву, и фанатизма, который они публиковали в нем. Философы, как их называют, с которыми они стремились жестоко обойтись, со своей стороны, не упустили возможности отомстить за себя в своих работах; и это они сделали самым унижительным для иезуитов способом, не слишком увлекаясь и не выставяя себя напоказ. Они не сказали им, как янсенисты: "Вы честолюбивы, интриганны и мошенники": это обвинение не смирило бы общество: они сказали им: "Вы болваны; среди вас нет ни одного образованного человека, чье имя известно в Европе и достойно быть таковым: вы хвастаетесь своим авторитетом; но этот авторитет существует скорее во мнении, чем в

действительности; это всего лишь картонный домик, который рухнет в тот момент, когда на него подуют”. Они сказали правду, и события доказали это. В довершение своего несчастья, иезуиты, подавленные ударами, которые они неосторожно навлекли на себя, не имели ни единого защитника, способного отразить их: у них не было ни хороших писателей, ни людей с какими достоинствами; их новые враги, угнетенные ими в Версале, были слишком сильны для них в написании; и ценность этого преимущества отчетливо ощущается в нации, которая любит читать только для развлечения и которая в конце концов всегда объявляет ту партию, которая добивается в этом наибольшего успеха. Иезуиты были для них призраком своей власти; их противниками были Франция и вся Европа.

Следует признать, что янсенисты, которые никогда не гордились своей хитростью, в эти последние времена были гораздо более хитрыми, чем они думали; и что иезуиты, которые высоко ценили свою утонченность, вовсе не были хитрыми. Они, как дураки, попались в ловушку, расставленную для них врагами, даже не подозревая об этом. Янсенистский справочник, движимый только фанатизмом и ненавистью (ибо этот слабоумный сатирик не знал ничего лучшего), упрекал иезуитов в том, что они преследуют в янсенистах призрак ереси и не нападают на философов, которые с каждым днем, по его словам, становятся все многочисленнее и наглее. Иезуиты по глупости бросили свою умирающую жертву, чтобы напасть на людей, полных энергии, которые и не думали причинять им вред. Каковы были последствия? Они не усмирили своих старых врагов и навлекли на себя новых, с которыми не имели ничего общего. Теперь они понимают это очень ясно, но слишком поздно.

Таково было положение этих отцов, когда война, разгоревшаяся между Англией и Францией, навлекла на общество знаменитый судебный процесс, закончившийся его уничтожением: иезуиты вели торговлю с Мартиникой; война причинила им некоторые убытки, и они хотели уничтожить своих корреспондентов в Лионе и Марселе; один иезуит во Франции, к которому эти корреспонденты обратились за справедливостью, говорил с ними, как *скрысой, удалившейся от мира*: “Друзья мои, - сказал отшельник, - То, что внизу, меня больше не касается; и что может сделать иезуит во Франции?” бедный отшельник поможет тебе в этом? Что он может сделать, кроме как молить Бога помочь вам в этом деле? Я надеюсь, что он немного позаботится о вас. [15]”

Он предложил отслужить за них мессу, чтобы получить от Бога вместо денег, которые они требовали, благодать, чтобы *по-христиански* перенести их гибель. Эти торговцы, ограбленные таким образом иезуитами, с которыми они обращались как с дураками, напали на них обычным способом правосудия; они притворились, что эти отцы церкви в силу своих конституций несут ответственность друг за друга и что иезуиты во Франции должны выплатить долги своих миссионеров в Америке. Иезуиты были настолько убеждены в правоте своего дела, что, поскольку они имели право предстать перед Великим Советом, они потребовали, чтобы их триумф был более блестящим и полным, чтобы дело было вынесено на рассмотрение Большой палаты Парижского парламента. Там они проиграли единогласно и к великому удовлетворению публики, которая выразила свою радость по этому поводу всеобщими аплодисментами: их приговорили выплачивать партиям огромные суммы с запретом вмешиваться в торговлю.

Это было только началом их несчастий. В судебном процессе, который они отстаивали, обсуждался вопрос о том, действительно ли в соответствии с их конституциями они несут

ответственность друг за друга: этот вопрос предоставил парламенту вполне естественную возможность потребовать ознакомления с этими знаменитыми конституциями, которые никогда не были ни рассмотрены, ни одобрены в требуемых формах. Изучение этих конституций, а затем и их книг, предоставило *юридические* средства, более чем достаточные для объявления их установления противоречащим законам королевства, повиновению суверену, безопасности его личности и спокойствию государства.

Я говорю о *законных* средствах; ибо в этом случае мы должны отличать *юридические* средства, на которых было основано уничтожение иезуитов, от других мотивов, не менее справедливых, этого уничтожения. Мы не должны верить, что либо конституции этих отцов церкви, либо доктрина, в которой их упрекают, были единственной причиной их гибели, хотя они могут быть единственной по-настоящему *законной* причиной, и, конечно, единственной, которую следовало упомянуть в декретах, изданных против них. Слишком верно, что несколько других орденов почти в принципе придерживаются того же рабского повиновения, в котором иезуиты клянутся своим начальникам и папе; слишком верно, что тысячи других докторов и религиозных орденов проповедовали доктрину власти церкви над временными властями королей: они уничтожали и рассеивали их не только потому, что считали иезуитов худшими французами, чем других монахов: это было потому, что они разумно считали, что их следует опасаться больше из-за их интриг и их репутации; и этот мотив, хотя и не *legal*, безусловно, намного лучше, чем было необходимо для того, чтобы избавиться от них. Национальная лига против иезуитов напоминает лигу Камбре против Венецианской республики, главной причиной которой были богатство и наглость этих республиканцев. У общества были те же мотивы для ненависти. Публика была справедливо недовольна, видя лиц религиозного ордена, по самой своей профессии приверженных смирению, уединению и безмолвию, направляющих совесть королей, воспитывающих дворянство, плетущих интриги при дворе, в городе и в провинциях. Ничто так не раздражает разумных людей, как люди, которые отреклись от мира и все же стремятся управлять им. Это, в глазах мудрецов, было наименее простительным преступлением общества: это преступление, о котором не упоминалось, имело больший вес, чем все те, которыми они были обвинены помимо этого, и которые по своей природе были более уместны для вынесения против них указа в суде.

Иезуиты даже имели наглость делать вид, а несколько епископов, их сторонников, осмелились заявить об этом в печати, что огромное собрание утверждений, извлеченных из иезуитских авторов по приказу парламента, собрание, которое послужило основным мотивом их уничтожения, не должно было иметь такого эффекта: что оно было составлено в спешке священниками-янсенистами и плохо засвидетельствовано магистратами, которые были непригодны для работы; что оно полно ложных цитат, отрывков, которые были искажены или неправильно поняты, возражений, которые были приняты за ответы. : короче говоря, о тысяче других несправедливостей подобного рода. Судьи взяли на себя труд ответить на эти упреки, и публика простила бы их: нельзя отрицать, что среди большого количества точных цитат ускользнули некоторые ошибки: они были признаны без труда. Но могли ли эти ошибки (хотя их было гораздо больше) помешать тому, чтобы остальное было правдой? Кроме того, если бы жалоба иезуитов и их защитников была столь же справедлива, как кажется, то кто стал бы утруждать себя изучением стольких отрывков? Тем временем, пока истина не прояснится (если истины такого рода стоят труда), эта коллекция произведет то благо, которого желала нация, - уничтожение иезуитов; упреков, которыми мы имеем право их упрекать, будет более или менее много; но общества не будет; это был важный момент.

Этому сборнику утверждений, извлеченных из книг иезуитов и осужденных магистратами, за несколько лет до этого предшествовало осуждение работы иезуита Бузенбаума, в которой открыто поддерживается доктрина цареубийства: копия, на которой было произнесено это осуждение, датирована 1757 годом, меланхолическим периодом этой попытки, наполнившей Францию ужасом и оцепенением. Иезуиты сделали вид, что эта дата была подделкой их врагов, которые, чтобы сделать их одиозными, сделали так, чтобы к старому изданию был добавлен новый титульный лист; янсенисты утверждали, что издание на самом деле было совершенно новым, и разумным образом доказывали, до какой степени иезуиты осмеливались быть плохими подданными. Эти янсенисты, столь неискушенные в других вопросах, но очень жестокие и злобствующие, фактически убедили большую часть французской нации в том, что чудовищное преступление, о котором идет речь, было делом рук иезуитов. Однако, ответы преступного опросные листы, положенные ему, как они были сделаны в publick, ни в коем обвиняют тех отцов; но он был слугой для них, а также лиц противоположной стороной: он объявил это своим судей; иезуиты (по уважительной причине без сомнений, но которые мы не знаем) не были допрошены, так как он, казалось, они должны были быть; этого было достаточно, чтобы большая часть д, чтобы обвинить их в преступлении.

Убийство короля Португалии, произошедшее годом позже и в которое снова было вовлечено общество, послужило новым средством для его врагов поддерживать веру в то, что покушение, потрясшее всю Францию, было их работой. Друзья иезуитов делали вид, что они невиновны в преступлении, совершенном в Португалии; что буря, поднявшаяся против них по этому поводу и жертвами которой они также стали в этом королевстве, была следствием ненависти, которую они навлекли на них со стороны премьер-министра Карвалью, который был всемогущ у этого принца. Но почему люди религиозного ордена должны внушать государственному министру ненависть к ним, если только это не потому, что они своими интригами сделали себя опасными для этого министра? Почему мистер Карвалью, который ненавидел иезуитов, должен был оставить в покое кордельеров, якобинцев и реколлектов, если только не потому, что он встретил иезуитов на своем пути, а остальные мирно прозябали в своих монастырях, не принося государству ни пользы, ни вреда? Каждое религиозное и беспокойное общество заслуживает, только по этой причине, того, чтобы государство было очищено от них; быть грозными - это преступление.

Соответственно, португальский министр ловко воспользовался обвинением некоторых из этих отцов в том, что они советовали, направляли и отпустили грехи убийцам, из-за которых все иезуиты были изгнаны из королевства: они были отправлены к своему генералу, который, как говорят, не зная, что делать с этими новоприбывшими, оставил их умирать от голода и нужды на борту тех самых судов, которые их привезли.

Месье де Карвалью, когда он изгнал иезуитов, приказал арестовать троих из них, которые были признаны виновными; но он не был достаточно могуществен, чтобы добиться смертной казни иезуита Малагриды, хотя он и считался самым большим преступником. Португальское население, невежественное, суеверное и полное римских принципов, не допустило бы, чтобы религиозный человек был отдан в руки светских властей за преступление, заслуживающее самого сурового наказания, потому что это преступление было совершено только против мирянина: они были вынуждены, чтобы обвинить Малагриду в преступлении против Бога, которое должно было сделать его достойным смерти, пойти и поискать несколько глупых книг о благочестии, произведений слабости и безумия, написанных этим несчастным иезуитом:

только за эти рапсодии он был приговорен к сожжению на костре. инквизиция, но не как виновный в государственной измене, а как еретик. Они упрекали его в видениях и чудесах, которыми он имел глупость хвастаться; особенно они упрекали его в том, что в возрасте семидесяти пяти лет он мог развлекаться в полном одиночестве в своем заточении, как это сделал бы молодой послушник; что также могло рассматриваться как своего рода чудо, поистине достойное причисления к другим. Именно по мотивам такого рода он был приговорен к самой жестокой смерти: в письме даже не упоминалось об отцеубийстве, в котором его обвиняли; и, как превосходно замечает г-н де Вольтер, чрезмерная суровость сочеталась с чрезмерной глупостью.

Было забавно наблюдать за смущением, в которое были повержены иезуиты и янсенисты из-за этой жертвы, принесенной инквизиции. Иезуиты, преданные до того времени этому кровавому трибуналу, больше не осмеливались принимать в нем участие, поскольку он сжег одного из членов их общества; янсенисты, которые питали к нему отвращение, начали считать его справедливым с того момента, как он приговорил иезуита к сожжению. Они заверили нас и утверждали это в печати, что инквизиция была не такой, какой они считали ее до сих пор, и что правосудие там вершилось с *большой мудростью и обдуманностью*. Некоторые магистраты, до тех пор заклятые враги инквизиции, казалось, на этом этапе немного смягчились по отношению к ней. Один из первых трибуналов в королевстве приговорил к сожжению письмо, в котором португальская инквизиция подвергалась очень жестокому обращению из-за наказания Малагриды: и в заявлении, которое приговорило это письмо к сожжению, они выразили множество похвал не только самой инквизиции, но и *скрупулезному допросу*, в результате которого иезуит был передан в руки светских властей.

В связи с этим обвинением в цареубийстве, столь часто выдвигаемым против иезуитов, мы расскажем здесь любопытный анекдот. Удивительно, что среди стольких произведений, в которых эти отцы называются *убийцами*, ни в одном не упоминается обстоятельство, действительно малоизвестное, но которое, по-видимому, представляет их врагов в выгодном свете. В Риме, в их церкви Св. Игнатий, они изобразили в четырех углах купола (нарисованного около ста лет назад одним из их отцов) сюжеты, взятые из Ветхого Завета; и этими сюжетами являются многочисленные убийства, или, по крайней мере, убийства, совершенные еврейским народом во имя Бога: Иаэль, которая, побуждаемая Божественным Духом, вбивает гвоздь в голову Сисары, которой она предложила и оказала гостеприимство; Юдифь, которая, ведомая тем же проводником, отрубает голову Олоферну, после того как соблазнила и напоила его; Иаэль, которая, побуждаемая Божественным Духом, вонзает гвоздь в голову Сисары, которой она оказала гостеприимство; Юдифь, которая, ведомая тем же проводником, отрубает голову Олоферну, после того как соблазнила и напоила его; Иаэль, которая, побуждаемая Божественным Духом, вонзает гвоздь в голову Сисары, которой она оказала гостеприимство. Сэмпсон, который истребляет филистимлян по приказу Всемогущего; наконец, Давид, который убивает Голиафа. На вершине купола Святой Игнатий во славе извергает пламя на четыре стороны света со словами Нового Завета: “Я пришел поджечь землю; и чего я хочу, кроме того, чтобы она возгорелась?” Мне кажется, если бы что-то могло раскрыть дух общества в отношении вменяемой им смертоносной доктрины, эти рисунки были бы более сильным доказательством этого, чем все отрывки, которые передаются от их авторов и которые являются общими для них со многими другими: но истина в том, что эти принципы, внешне поддерживаемые плохо понятыми Священными Писаниями, являются принципами фанатиков всех веков; и мы можем добавить, большей части любой секты, когда они считают, что в их

интересах распространять их, и что они могут проповедовать их в безопасности. Для них еретик и неверный принц - это тиран и, конечно же, человек, от которого религия и разум в равной степени приказывают нам избавиться. Единственное, в чем следует упрекнуть иезуитов, так это в том, что они отказались от этих отвратительных принципов позже других, после того как более решительно придерживались их; в том, что они особо заявляли о повиновении папе и о более строгом послушании, чем другие ордена; в том, что по этой причине их тем больше боялись в государстве, чем больше они там пользуются уважением, тем более рассеяны, тем более привязаны к церковным функциям и, прежде всего, к обучению молодежи; в том, что они никогда не выражали себя откровенно и ясно (когда их не предупреждали). вынужденные к этому) о принципах правления, касающихся непогрешимости папы и независимости королей; и о том, что они дали слишком много места пониманию, что они смотрели на эти принципы как на простые местные мнения, которые могли поддерживаться либо "за", либо "против", в зависимости от страны, в которой они оказались. Мы можем с уверенностью и беспристрастно сказать, что такой образ мышления прослеживается во всех их работах, и даже в тех работах французских иезуитов, которые хотели казаться менее римлянами по отношению к нашим принципам, чем их братья из Италии или Испании.

Однако мы не должны верить, что это подчинение папе, в котором так часто упрекают общество, является для них непреложной доктриной. В то время как иезуиты проповедовали это в Европе с таким рвением, можно сказать, с безумием, чтобы добиться принятия буллы, которую они составили, они выступали против в Китае декретов, которые суверенные понтифики выдвинули против них из-за китайских церемоний: они зашли даже так далеко, что поставили под сомнение полномочия папы принимать решения по вопросам такого рода. Пока верно, что их притворная преданность папе была, если можно так выразиться, лишь в порядке *изобретательской выгоды* при молчаливом условии поддерживать их притязания или, по крайней мере, не наносить ущерба их интересам.

Как бы то ни было, параллель, которая только что была проведена между доктриной иезуитов и другими орденами, является, по моему мнению, истинной точкой зрения, с которой мы должны были исходить при их уничтожении. Среди стольких судей, написавших длинные экзамены по делу общества, г-н де ла Шалотэ, генеральный прокурор парламента Бретани, кажется, больше, чем кто-либо другой, рассматривал это дело как государственный деятель, философ, просвещенный судья и человек, свободный от всякого духа ненависти и партийности. Он не забавлялся тем, что старательно и слабо доказывал, что другие монахи были лучше иезуитов: он проникал все дальше и глубже: его поход в бой был более откровенным и твердым. "Монашеский дух, " сказал он, - это бич государств: из всех, кого одушевляет этот дух, иезуиты наносят наибольший вред, потому что они самые могущественные; именно с них мы должны начать сбрасывать иго этой пагубной расы". Похоже, что этот прославленный магистрат взял за основу следующие стихи Вергилия [16].

Ductoresque ipsos primùm, capita alta ferentes

Cornibus arboreis, sternit; tum vulgus, & omnem

Miscet agens telis nemora inter frondea turbam.

Война, которую он с таким успехом развязал против общества, является лишь сигналом к проверке, на которую он, по-видимому, желает представить конституции других сословий с условием сохранения тех, которые при такой проверке будут признаны полезными. Существуют даже некоторые особые сообщества, например, братство под названием *Невежды*, на бдительность которых он прямо указывает магистратам, поскольку они уже незаметно завоевали большую территорию: однако, я не знаю, ошибаюсь ли я, люди, носящие имя, столь мало заслуживающее уважения, ни в коем случае не должны льстить себя надеждой однажды сменить иезуитов среди людей, у которых имена имеют силу закона: для того, чтобы иметь во Франции успех и врагов, необходимо для начала называть себя иначе.

Что касается других монахов в целом, мудрость правительства заключается в том, чтобы судить о методе, который они должны избрать по отношению к себе; но предположим, что однажды они захотят уничтожить их или, по крайней мере, ослабить их настолько, чтобы они не причиняли вреда, есть безошибочный способ добиться успеха в этом, не применяя насилия, которого следует избегать даже по отношению к ним: это было бы возрождение древних законов, запрещающих принимать монашеские обеты до достижения двадцатипятилетнего возраста. Пусть правительство уступит в этом отношении единодушному желанию просвещенных граждан!

В ожидании этого бедствия монашеских общин и счастья государства давайте продолжим и закончим рассказ об уничтожении иезуитов. Несмотря на войну, объявленную обществу магистратами, эти отцы не считали свою гибель неизбежной: парижский парламент, нанесший им первый удар, дал им год на то, чтобы судить об их учреждении; партия, желавшая их гибели, ослепленная ненавистью и не знающая ни законов, ни их форм, упрекала парламент в том, что он предоставил им столь длительный срок: они боялись, что друзья, которых они все еще оставляли при дворе, добьются от короля, чтобы он один ознакомился с решением этого дела. Эти опасения казались тем более обоснованными, что в промежуток времени, назначенного для вынесения решения, они снова получили от суда довольно разительные знаки защиты. Парламент постановлением от 6 августа 1761 года, отложившим их выступление в конце года для вынесения решения по их конституциям, постановил временно закрыть их коллегию первого октября следующего года: король, несмотря на представления парламента, отложил это время до 1 апреля; и этот перенос заставил опасаться, что они могут получить знаки благосклонности еще более заметными. Более того, никто не мог себе представить, что общество, еще недавно столь могущественное, когда-либо может быть уничтожено: даже их враги не осмеливались полностью льстить себе этим; но они хотели, по крайней мере, лишить их, если это было возможно, двух основных источников их авторитета: места духовника их королей и образования дворянства.

Король в разгар всех этих разбирательств проконсультировался по поводу институтов иезуитов с епископами, находившимися в Париже: около сорока из них, либо путем убеждения, либо политики, осыпали величайшими похвалами как институт, так и общество: шестеро придерживались мнения, что их конституции должны быть изменены в определенных отношениях: только один, епископ Суассона, объявил институт и орден одинаково отвратительными. Утверждалось, что у этого прелата (такого сурового или такого честного) были личные и очень тяжкие претензии к иезуитам, которые по деликатному поводу обманули, разоблачили и принесли его в жертву. Помимо обиды, как они сказали, и того, что он хотел отомстить им, этот епископ стал янсенистом и был объявлен главой партии, у которой больше не

было главы, а вскоре не должно было быть и членов. К несчастью для иезуитов, прелат, которого они пытались унижить, обладал незапятнанной репутацией в том, что касается религии, честности и манер: он без обиняков утверждал, что парламенты правы и что они не могут слишком эффективно избавиться от общества, одинаково разрушительного как для религии, так и для государства.

Тем не менее, поскольку большинство епископов выступало за сохранение ордена иезуитов, король, чтобы проявить уважение к их мнению, издал эдикт, целью которого было позволить им существовать, изменив, в некоторых отношениях, их конституции. Этот эдикт, который был внесен в парламент для регистрации, встретил там всеобщее противодействие: они выступили против него с решительными протестами; и эти протесты имели больший успех, чем мог ожидать сам парламент. Король, не дав им никакого ответа, отозвал свой указ.

В этой ситуации Мартинико, которая уже была столь роковой для этих отцов, возбудив судебный процесс, который они проиграли, ускорил, как говорят, их разорение благодаря странному обстоятельству. В конце марта 1762 года мы получили печальное известие о взятии этой колонии. Этот захват, столь важный для англичан, повлек за собой потерю нескольких миллионов для нашей торговли: мудрость правительства заключалась в том, чтобы предотвратить жалобы, которые столь большие потери вызвали бы у общественности. Они придумали, чтобы отвлечь внимание, дать французам другую тему для разговора; как до сих пор Алкивиад думал отрезать своей собаке хвост, чтобы помешать афинянам говорить о более важных вещах. Тогда они заявили директору коллегии иезуитов, что им ничего больше не остается, как подчиниться парламенту и прекратить свои лекции к 1 апреля 1762 года. С этого времени колледжи были закрыты, и общество начало всерьез отчаиваться в своей судьбе: наконец, 6 августа 1762 года, день, которого так желала общественность, наступил: институт был единогласно осужден парламентом без какого-либо противодействия со стороны монарха: их обеты были объявлены необязательными, иезуиты секуляризованы и распущены, их имущество отчуждено и продано; большая часть парламентов, рано или поздно, обошлась с ними почти таким же образом; некоторые проявили еще большую строгость в своих суждениях и прогнали их без каких-либо иных форм воздействия. процесс.

Поэтому они жили рассеянно здесь и там и носили светские одежды; но они все еще оставались при дворе, и их было там даже больше, чем когда-либо: казалось, они находились там, чтобы заставить замолчать своих врагов и дожидаться, чтобы прийти в себя, более благоприятного времени года. Довольно громко говорилось, что эти лисы не были бы уничтожены, если бы их наконец не заперли в норе, где они считали себя в безопасности, и что они не были мучениками, пока оставались исповедниками. "Они очень больны, - было добавлено, - возможно, умирают, но их пульс все еще бьется". Считалось, что они настолько мало истреблены, несмотря на их рассеяние, что настоятель семинарии, которому был предложен их дом для послушников, ответил, что не примет его из страха перед *духами*.

Однако они были не так уж далеки от момента своего полного изгнания; и опять же, этим они были обязаны необдуманному рвению своих друзей. Ярый сторонник общества опубликовал в их защиту жестокий трактат, оскорбляющий магистратов, озаглавленный "*Пришло время говорить*". Тогда кто-то сказал, что ответ магистрата должен быть таким: "*Пришло время уходить*". Такое лицо тем меньше ошибалось, что новому субъекту жалобы удалось восполнить объем этого разбирательства. Архиепископ, о котором мы уже так часто упоминали, считал, что

права церкви нарушаются постановлениями парламента против клятв, данных перед алтарями: он издал в пользу иезуитов мандат, который полностью послужил для того, чтобы настроить магистратов против них; некоторых из этих отцов обвинили в том, что они торговались этим мандатом; некоторых из их приверженцев обвинили в том, что они злоупотребляли им: это был, так сказать, сигнал к последнему удару, нанесенному всему телу. Парламент постановил, что в течение восьми дней каждый иезуит, исповедуемый или нет, желающий остаться в королевстве, должен принести присягу в том, что он отрекся от этого учреждения. Срок был коротким; они не захотели дать им время на раздумья: опасались, что они могут проводить тайные собрания между собой; что они могут написать своему генералу, умоляя его разрешить уступить "таймс"; что из-за *умственных ограничений* они могут принести требуемую присягу; что под прикрытием этой присяги они могут остаться во Франции, чтобы дожидаться там более благоприятного момента; что они могли бы, наконец, применить на практике принцип Акомат в Баязете:

Promettez; affranchi du péril qui vous presse,

Vous verrez de quel poids sera votre promesse.

Несомненно, что иезуиты, подписав предложенную присягу, сильно смутили бы янсенистов, их врагов, которые искали только предлог для их изгнания и которым этого предлога было бы недостаточно. Более того, несомненно, что как французы и как христиане они могли бы добросовестно подписать то, что от них требовалось: это автор, никоим образом не пользующийся большим влиянием в других отношениях в обществе, наглядно доказал в письме, которое попало в мои руки и которое будет найдено в продолжении этой истории: не было ли это фанатизмом или разумом, принципом совести или человеческого уважения, честью или упрямством, иезуиты сделали не то, что они могли бы сделать, и чего боялись, что они сделают. Эти люди, которые, как считалось, были склонны шутить с религией и которые были представлены таковыми во множестве трудов, почти все отказались принести присягу, которая от них требовалась; вследствие этого они получили приказ покинуть королевство; и эти приказы были неукоснительно выполнены. Напрасно некоторые из них представляли свой возраст, свои немощи, услуги, которые они оказали; едва ли хоть одна из их просьб была удовлетворена. Правосудие, свершившееся над телом, было доведено по отношению к отдельным лицам до крайней суровости, которая, вероятно, считалась необходимой. Они хотели отнять у этого общества, сама тень которого, казалось, внушала ужас даже после того, как его больше не существовало, все средства для того, чтобы однажды возродиться снова; чувства сострадания были принесены в жертву тому, что считалось государственным разумом. Тем не менее непримиримые янсенисты, раздраженные совсем недавним воспоминанием о преследованиях, которым подвергли их иезуиты, считали, что парламент еще недостаточно сделал: они напоминали швейцарского капитана, который приказал похоронить мертвых и умирающих вместе на поле битвы: ему представлялось, что некоторые из погребенных все еще дышат и умоляют только о жизни: "Ого, - сказал он, - если бы мы заботились о них, среди них не было бы ни одного мертвеца".

Несомненно, что большая часть иезуитов, тех, кто в этом обществе (как и везде) ни во что не вмешивается, и которых среди них гораздо больше, чем можно себе представить, не должны были бы, если бы это было возможно, быть наказанными за ошибки своих начальников: тысячи этих невинных были невольно смешаны с десятком преступников: более того, эти невинные, к

несчастьем, были единственными наказанными и единственными, кого следовало пожалеть; ибо лидеры благодаря своим процентам получали пенсии, которыми они могли пользоваться в свое удовольствие, в то время как множество принесенных в жертву людей оставались как без хлеба, так и без поддержки. Все, что можно было привести в пользу общего указа об изгнании, вынесенного против этих отцов церкви, - это знаменитый отрывок Тацита относительно римского закона, который приговаривал к смерти всех рабов в доме за преступление одного из них: *habet aliquid ex iniquo omne magnum exemplum*; "в каждом великом примере есть что-то несправедливое". Таким образом, при уничтожении тамплиеров огромное количество невинных пало жертвами гордыни и наглого богатства их вождей; и, таким образом, беспорядки, о которых говорили их предки. Тамплиеры, которых обвиняли, были не единственной причиной их разрушения; их главное преступление состояло в том, что они сделали себя одиозными и грозными. Потомки будут думать так же о приговоре, вынесенном иезуитам, и об изгнании, к которому они были приговорены: они сочтут его, возможно, суровым, по крайней мере внешне, но, возможно, также сочтут его необходимым: только это время может решить.

В остальном, независимо от естественного сострадания, на которое, казалось, претендовали престарелые иезуиты или те, у кого не было средств к существованию, и которые, в конце концов, были мужчинами, можно было бы подумать, что в требуемой клятве можно было бы провести различие между назвавшимися иезуитами и теми, кто таковыми не был, между теми, кто уже отрекся от института, и теми, кто все еще придерживался его, не будучи абсолютно связанным с ним. Допустим, от назвавшихся иезуитами, от которых они хотели избавиться, потребовалась бы клятва, такую предосторожность можно было бы счесть необходимой; но нужно ли было требовать от иезуитов, которые не были названы, чего-то большего, чем простого обещания, что они не будут связывать себя этим учреждением или чем-либо еще от бывших иезуитов, чем голого заявления о том, что они отреклись от него? Противоположное поведение, которое наблюдалось, могло бы сохранить для подданных общества, которые были склонны покинуть его и которые были лишены всех других ресурсов: эта строгость также могла бы восстановить в ордене членов, которых он уже потерял.

Предлагая эти размышления, я очень далек от неодобрения поведения магистратов; которые по справедливым причинам, без сомнения, считали своим долгом действовать иначе: уместно, однако, отметить, что несколько парламентов сочли своим долгом со своей стороны придерживаться противоположного поведения; распустив институт, они оставили рассеянным иезуитам все права подданных; но не следует ли опасаться, сказали они, что, сохранив их таким образом более чем в половине королевства, они оставили этим людям, которых считают столь беспокойными, средство о плетении интриг, тем более опасных, что они скрыты? Еще раз, только время может сообщить нам, кто из судей избрал наилучший метод в этом деле; не был ли один из них слишком строгим, и не захоронили ли другие, желая быть менее строгими, огонь под пеплом.

Кроме того, некоторые парламенты не вынесли никакого приговора этому учреждению, и иезуиты все еще сохраняли свое существование в одной части Франции. Можно было опасаться, что при первом сигнале о сплочении, *рассеянная* партия, внезапно присоединившись к партии *объединенной*, может сформировать новое общество, даже прежде, чем кто-либо будет в состоянии противостоять этому. Мудрость, а также честь правительства, по-видимому, требовали, чтобы закон в отношении иезуитов, каким бы он ни

был, был единым по всему королевству. Эти взгляды, по-видимому, продиктовали эдикт, которым король только что упразднил общество по всей Франции, но разрешил, в других отношениях, его членам спокойно жить в своей стране, под присмотром и защитой законов. Пусть эти миролюбивые намерения нашего августейшего монарха увенчаются успехом, которого они заслуживают!

Несомненно, для осуществления этих почтенных намерений было лучше, если парижский парламент, зарегистрировав этот новый эдикт, предписал иезуитам проживать каждому в своей епархии и каждые шесть месяцев представлять перед магистратами того места, в котором они будут жить. Мы не знаем, сочтут ли уместным подчиниться этому ограничению иезуиты, которые уже отозваны в зарубежные страны. Тот же закон запрещает им приближаться ближе чем на десять лье к Парижу, который изгоняет их по крайней мере на шесть лье от Версаля, но не запрещает им проживать в Фонтенбло и Компьене, где двор проживает не менее трех месяцев в году. Возможно, считалось, что за столь короткий промежуток времени их придворных интриг можно будет не опасаться.

После изгнания иезуитов своим первым постановлением парижский парламент назначил им пенсии для поддержания жизни: это смягчение условий их ссылки многим людям казалось противоречием. Почему, говорили они, облегчают отступление в чужие страны подданным, слышущим опасными, апостолами цареубийства, врагами государства, и которые, отказываясь отречься от общества, предпочитают своего итальянского генерала своему законному суверену? Однако нет причин сурово порицать это очевидное противоречие; хотя мы и должны были бы с логической строгостью не одобрять то, что решать не в нашей компетенции, мы должны еще больше извинять это из-за закона природы, который существовал до появления янсенистов и иезуитов. Те, кто препятствовал учреждению общества, делали это исключительно под защитой общественной веры и законов: если они отказались отречься от нее, то, возможно, деликатность совести всегда следует уважать, даже у людей, которые неправы. Принося их в жертву необходимости, которая считалась непреложной, не допускать больше иезуитов во Францию, было бы бесчеловечно лишать их всего необходимого для жизни и запрещать им даже воздух, которым они дышат. Что касается остального, то эти размышления, обоснованные или нет, больше не имеют места с того момента, как иезуитам разрешено, ничего от них не требуя, оставаться в королевстве: после того, как общество лишили его влияния, оно вправе предоставить своим членам средства к существованию, поскольку считается возможным без каких-либо неудобств вернуть их в состояние, к которому они принадлежат.

Прежде чем завершить это повествование, давайте не забудем об одном странном обстоятельстве, чрезвычайно подходящем для того, чтобы показать, с его истинной точки зрения, мнимую заботу о религии, которой некоторые из ее служителей пытаются себя украсить. Некоторые епископы, проживающие в своих епархиях, присоединились, согласно своим мандатам, к архиепископу, защитнику иезуитов: другие епископы (которые не проживают) также были готовы присоединиться к себе. Парламент сделал вид, что хочет обновить и требует строгого соблюдения древних законов, касающихся местожительства: тогда эти епископы замолчали, и их угрожающее рвение замерло у них на устах. Смущенные и униженные своим бессилием перед врагами иезуитов, они, возможно, попытаются искупить свою вину, обрушившись на философов, которых они очень несправедливо обвиняют в том, что они сообщили парижскому парламенту о своей мнимой свободе мышления: мы уверены, что

даже некоторые из этих прелатов уже предприняли эту печальную и слабую месть; как, например, тот негодяй, на которого, когда он проходил мимо, упала черепица с крыши дома, крышу которого ремонтировали; и который, чтобы отомстить, бросал камни в парижский парламент. до первого этажа, не имея сил, как он сказал, забросить их выше.

Такова была в этом королевстве судьба иезуитов: обстоятельства их уничтожения были очень странными во всех отношениях; буря началась там, где ее меньше всего ожидали, в Португалии, наиболее зависимой от священников и монахов стране Европы, которая, казалось, не была создана для того, чтобы так быстро избавиться от иезуитов и еще меньше для того, чтобы подавать в этом отношении пример; их уничтожение во Франции было подготовлено суровостью, которую они проявили вопреки себе; наконец, оно было завершено умирающей и презренной сектой, которая покончила с собой. все ожидания, какие ни Арно, ни Пасхаль, ни Николь не смогли бы ни осуществить, ни попытаться, ни даже надеяться. Что может быть более ярким примером той непостижимой фатальности, которая, кажется, правит человеческими делами и приводит их, когда мы меньше всего этого ожидаем, к точке зрелости или разрушения? Из этого получилась бы прекрасная глава, добавляющая в историю великие события, которые произошли по незначительным причинам.

Известный писатель, выступая в 1759 году, за три года до уничтожения иезуитов, двух партий, разделявших церковь Франции, сказал о самой могущественной партии, “что она скоро прекратит свое существование” [17]: “некоторые хотели, чтобы эти слова сошли за пророчество; но, вероятно, автор не претендует на честь быть выдающимся ученым”. пророк, он признается, что, когда писал такого рода предсказания, он был очень далек от того, чтобы подозревать, что они настолько верны. Было ясно видно, что партия, до тех пор угнетавшаяся, начала набирать силу; но никто не мог предвидеть, до какой степени это должно было, в свою очередь, угнетать ту, с помощью которой ее до тех пор держали в подчинении: прекрасное дело для врагов общества, навязывать справедливость их обычных высказываний, полагаясь на Провидение Божье в поддержку того, что они называют *благим делом*!

Не менее странно, что французская нация в то время, когда из-за неудачной войны она проявила свою слабость за границей, совершила этот энергичный акт у себя дома: верно, что, поразмыслив, мы, возможно, найдем в том же принципе причину такой сильной внешней слабости и такой огромной силы или, если угодно, такого сильного брожения внутри: но эта политическая дискуссия завела бы нас слишком далеко и не является частью нашей темы.

Что еще более странно, так это то, что предприятие, которое в начале 1761 года считалось бы очень трудным и даже невозможным, было выполнено менее чем за два года, без шума, без сопротивления и с такими же минимальными хлопотами, как при уничтожении капуцинов и Карманников. Мы не можем сказать об иезуитах, что их смерть была такой же блестящей, как и их жизнь. Нет, если что-то и должно их унижить, так это то, что они погибли так жалко, так безвестно, без блеска и славы. Ничто лучше не выявляет настоящую слабость, которая имела только видимость силы. Иезуиты, без сомнения, скажут, что они только исполнили и хотели только буквально исполнить евангельскую заповедь: “Когда тебя преследуют в одном городе, беги в другой”. Но почему, забыв об этой заповеди на двести лет, они вспомнили о ней так поздно?

Наконец, что довершает наше изумление, так это то, что только два или три человека, которые никогда бы не подумали, что им суждено совершить такую революцию, задумали и осуществили этот великий проект: общий импульс, данный всему корпусу магистратуры, был их работой и плодом их стремительной деятельности. Человечеством действительно редко руководят холодные и спокойные духи. Спокойная рассудительность сама по себе не обладает теплотой, столь необходимой для того, чтобы навязывать свое мнение и заставлять нас разделять ее взгляды: она довольствуется тем, что наставляет свой век тихо и без суеты, а впоследствии становится простой зрительницей того эффекта, хорошего или дурного, который произведут ее уроки. Она похожа, если мы можем использовать это сравнение, на “горного старца”, по голосу которого молодые люди, его ученики, бежали бросаться в пропасти, но который позаботился о том, чтобы не броситься вниз самому.

Это правда, что это небольшое число людей, которые привели в движение все суды королевства против иезуитов, обнаружили, что нация благосклонно настроена к этому брожению и стремится поддержать его своими речами. Мы говорим *своими речами*; ибо во Франции все, что может сделать нация, - это говорить, правильно или неправильно, за или против тех, кто правит; но следует признать также, что общественный клич там в какой-то мере учитывается. Философия, против которой янсенисты объявили войну почти такую же горячую, как против общества Иисуса, добилась, несмотря на них, и, к счастью для них, заметных успехов. Иезуиты, нетерпимые по системе и положению, стали от этого только более одиозными: их считали, если можно так выразиться, гигантами фанатизма, самыми опасными врагами разума и теми, от кого больше всего требовалось избавиться. Парламенты, когда они начали нападать на общество, обнаружили это расположение во всех умах. Собственно, это была философия, которая устами магистратов издала декрет против иезуитов: янсенизм был в ней лишь решающим фактором. Нация и философы, стоящие во главе ее, желали уничтожения этих отцов, потому что они нетерпимы, преследуют, буйны и грозны: янсенисты желали этого, потому что иезуиты поддерживают *разностороннюю благодать*, и сами *обладают действительной благодатью*. Если бы не этот нелепый схоластический спор и роковая булла, ставшая его плодом, общество, возможно, все еще существовало бы, после того как так часто заслуживало разрушения, по причинам несколько более реальным и более весомым. Но в конце концов оно уничтожено, и разум отомщен.

Qu'importe de quel bras Dieu daigne se servir?

К этим размышлениям мы можем присоединить другое, не менее важное, созданное для того, чтобы служить уроком всем религиозным орденам, у которых может возникнуть соблазн подражать иезуитам. Если бы эти отцы были достаточно благоразумны, чтобы ограничить авторитет общества тем, что оно могло бы извлечь из науки и литературы, этот авторитет был бы более солидным, ему меньше завидовали и он был бы более долговечным. Именно дух интриги и честолюбия, который они проявляли, притеснения, которые они применяли; одним словом, их огромная власть (или то, что считалось таковой) и, прежде всего, наглость, которую они к ней присоединяли, погубили их. Невозможно поверить, до какой высоты они довели свою дерзость в последнее время: ниже приводится довольно недавний штрих, который сделает их полностью известными.

Бенедикт XIV. в начале своего понтификата принял посвящение сочинения, которое отец Норберт капуцин сочинил против иезуитов; ибо они дошли до того, что вооружили против них

даже капуцинов: *Tu quoque Brute* [18]! воскликнул по этому поводу известный сатирик. Папа думал, что, возможно, разрешит Норберту остаться в Риме под его защитой. У него не было власти сделать это: иезуиты приняли свои меры настолько хорошо, что в конце концов изгнали капуцина не только с территорий папы, но даже из всех католических государств: он был вынужден бежать в Лондон и нашел убежище в Португалии только в 1759 году, когда общество было изгнано оттуда: он имел удовольствие, как он сам нам рассказывает, присутствовать при казни Малагриды и отслужить мессу за упокой его души, пока они заканчивали сжигать его тело.

Преследование, столь ожесточенное иезуитами против этого монаха, находившегося под защитой Бенедикта XIV. они сильно разозлили этого папу против них; он не упускал ни малейшей возможности вызвать у них отвращение при любых обстоятельствах, когда это было в его силах. Янсенисты даже не сомневаются, что, если бы он был жив, он воспользовался бы обстоятельством их уничтожения в Португалии и Франции, чтобы уничтожить общество: но что бы они ни говорили, маловероятно, чтобы папа, кем бы он ни был, когда-либо забывал до такой степени о своих собственных истинных интересах. Иезуиты - это янычары суверенного понтифика, иногда грозные для своего повелителя, как и янычары Османской Порты, но необходимые, как и они, для поддержки империи. Обуздать и сохранить их - в интересах Римского двора: Бенедикт XIV. у него было слишком много здравого смысла, чтобы не думать так. Царь Петр, это правда, однажды разбил 40 000 взбунтовавшихся стрельцов, хотя они были его лучшими солдатами; но у царя было двадцать миллионов подданных, и он мог завербовать их с помощью других стрельцов; тогда как папе, вся власть которого поддерживается только духовной армией под его командованием, было бы нелегко набрать в нее таких солдат, как иезуиты, столь хорошо дисциплинированных, столь преданных Римской церкви и столь грозных для врагов суверенного понтифика.

Можно с уверенностью утверждать, что папа Бенедикт XIV. в таком случае поступил бы лучше, чем его преемник Климент XIII. Он не стал бы, подобно последнему, писать королю, который оказал ему честь проконсультироваться с ним, "что иезуиты должны оставаться такими, какими они были": он дал бы двусмысленный ответ, как он сделал в случае отказа янсенистам в таинствах; он выиграл бы время; он предоставил бы парламентам некоторые изменения в отношении института (по крайней мере, в отношении французских иезуитов); он бы польстил янсенистам и привлек их какой-нибудь буллой в пользу *действенной благодати*: короче говоря, он бы приглушил или ослабил удары, которые были направлены на его гвардейский полк. Но похоже, что в этом деле иезуитов и их друзей охватил приступ легкомыслия, и они сами сделали все необходимое, чтобы ускорить свое разорение: они впервые показали себя непреклонными в вопросе, в котором для них было чрезвычайно важно не быть такими: они тайно заговаривали и открыто выступали при дворе против своих врагов; они кричали, что религии конец, если мы расстанемся с ними; что мы прогнали их только для того, чтобы утвердить во Франции неверие и ересь; и таким образом, они подливают масла в огонь, вместо того чтобы тушить его. Похоже, что янсенисты вознесли к Богу за разрушение общества следующую молитву Иоада в Аталии.

Daigne, daigne, grand Dieu, sur son chef & sur elle

Répandre cet esprit d'imprudence & d'erreur,

De leur destruction funeste avant-coureur.

Соответственно, янсенисты настойчиво уверяли нас на своем фанатичном языке, что *перст Божий* проявился в этом деле во всех деталях: “Увы! - ответил бывший иезуит, по-видимому, утешенный тем, что больше не принадлежит к ордену. - Вы можете сказать, что все его четыре пальца, а также большой!”

Таким образом, это знаменитое общество было отрезано от нас; дай бог, чтобы это было безвозвратно, хотя бы ради мира, и чтобы мы могли, наконец, сказать: *hic jacet*. Его лучшие друзья (мы не боимся утверждать это) - слишком хорошие субъекты, чтобы думать обратное: восстановление этого беспокойного, раздраженного и фанатичного общества причинило бы больше вреда государству, чем оно могло бы, по мнению даже его собственных сторонников, принести пользы церкви. Это событие (если Провидению будет угодно, чтобы оно продлилось) сформирует не только эпоху, но, по мнению многих людей, настоящую хронологическую эпоху в истории религии: отныне даты в этой истории будут отсчитываться от *иезуитской хиджры* [19], по крайней мере, в Португалии и во Франции; и янсенисты надеются, что это новое *церковное вычисление* не заставит себя долго ждать, прежде чем оно будет допущено в другие католические страны. На этом заканчиваются те горячие молитвы, которые они возносят Богу о величайшем благе своих врагов и о “возвращении общества к самому себе”.

Для них, без сомнения, не будет ничего более выгодного и приятного. Хорошо известно, что каждый янсенист, при условии, что он может сказать вместе с дикарями в “Кандиде”: “Дайте нам кусочек иезуитизма”, будет на вершине своего счастья и ликования; но остается узнать, какую пользу разум (который ничуть не хуже янсенизма) извлечет, наконец, из столь желанного запрета. Я говорю *разум*, а не *безбожие*: это необходимая предосторожность; ибо теология янсенистов, как мы видели, настолько разумна, что они склонны рассматривать *словаразум* и *безбожие* как синонимы. Несомненно, что уничтожение общества может принести большие преимущества разуму, при условии, что нетерпимый дух янсенизма не преуспеет в иезуитской нетерпимости; ибо мы не боимся сказать, что между этими двумя сектами, обе из которых порочны и пагубны, если бы мы были вынуждены выбирать и предполагали, что они наделены одинаковой степенью власти, общество, которое только что было изгнано, было бы все же наименее тираническим. Иезуиты, покладистые люди, при условии, что мы не объявляем себя их врагами, дают достаточное разрешение думать так, как нам заблагорассудится. Янсенисты, лишённые рассудительности, равно как и способностей, заставят нас думать так же, как они: если бы они были мастерами, они применили бы к нашим писаниям, к нашему пониманию, к нашим дискурсам самую жестокую инквизицию. К счастью, не стоит сильно опасаться, что они когда-нибудь приобретут большой авторитет: строгость, которую они исповедуют, не найдет применения при дворе, где люди очень хотят быть христианами, но при условии, что это им ничего не будет стоить; а их доктрина о Предопределении и Благодати слишком сурова и слишком абсурдна, чтобы не шокировать их умы. Пусть иностранцы сколько угодно упрекают Францию (это не имеет большого значения) в том, что она, по-видимому, мало заботится о своем национальном театре, столь уважаемом во всей Европе, и в той исключительной благосклонности, которую она оказывает своей музыке, хотя и презираемой всеми нациями: эти иностранцы, завидующие нам и нашим врагам, наверняка никогда не будут иметь печального преимущества упрекать наше правительство в более существенном проступке, заключающемся в том, что оно взяло под свое покровительство людей без талантов, без понимания, неосведомленных и безвестных; после того, как до сих пор несли на себе тяжкую ношу. жестокое преследование прославленных и респектабельных отцов столь жалкого потомства. Более того, нация, которая сейчас начинает становиться просвещенной, вероятно,

будет становиться просвещенной все больше и больше. Религиозные споры будут презираться, а фанатизм внушать ужас. Магистраты, которые запретили фанатизм иезуитов, - люди слишком понимающие, слишком хорошие подданные, слишком подходящие для эпохи, в которую они живут, чтобы допустить новый фанатизм на смену ему: даже уже некоторые из них (среди прочих г-н де ла Шалотэ) объяснились так открыто, что вызвали неудовольствие янсенистов и заслужили честь быть возведенными ими в ранг философов. Эта секта, кажется, говорит подобно Богу, язык которого она так часто и оскорбительно использует: "Тот, кто не за меня, против меня", но это не сделает больше прозелитов. Иезуиты были регулярными войсками, воспитанными и дисциплинированными в соответствии со стандартами суеверия: они были македонской фалангой, которую было разумно видеть разбитой и уничтоженной. Янсенисты - всего лишь казаки и пандуры, которых разум победит дешево, видя, что они будут сражаться поодиночке и рассеянно. Напрасно они будут, как обычно, кричать, что достаточно продемонстрировать привязанность к религии, чтобы быть поносимыми *современными философами*. Им ответят, что Пасхаль, Николь, Боссюэ и писатели из Порт-Рояля были привязаны к религии; и что нет ни одного *современного философа* (по крайней мере, достойного этого имени), который не почитал бы их. Напрасно они будут воображать, что, поскольку они унаследовали янсенизм Порт-Рояля, они должны унаследовать и уважение, которым он пользовался: это все равно, как если бы камердинеры знатного лорда хотели, чтобы их называли его наследниками, потому что они унаследовали кое-что из его литой одежды. Янсенизм в Порт-Рояле был пятном, которое он сгладил благодаря большим заслугам: для его мнимых преемников это единственное существование; и что же в эпоху, в которую мы живем, является столь бедным и нелепым существованием?

Соответственно, не нужно сомневаться, что уничтожение их врагов вскоре приведет к уничтожению их самих, но не насилием, а медленными шагами, незаметным испарением и необходимым следствием презрения, которое эта секта внушает всем здравомыслящим людям. Иезуиты, изгнанные ими и увлекающие их за собой в своем падении, могут с этого момента возносить своему основателю святому Игнатию следующую молитву за своих врагов: "Отче, прости их, ибо они не ведают, что творят".

Говоря серьезно и без околичностей, настало время, чтобы законы помогли разуму уничтожить этот партийный дух, который так долго тревожил королевство нелепыми спорами; спорами, мы не боимся утверждать это, более пагубными для государства, чем само неверие, когда оно стремится не привлекать прозелитов. Говорят, великий князь упрекнул одного из своих офицеров в том, что он янсенист или молинист, я не знаю, кто именно: ему сказали, что он ошибся, потому что офицер был атеистом: "Если он всего лишь атеист, - ответил принц, - это другое дело, и мне нечего на это сказать". Этот ответ, который некоторые хотели превратить в насмешку, был, однако, чрезвычайно мудрым: принцу, как главе государства, нечего бояться атеиста, который молчалив, и ему нечего бояться. не догматизирует. Такой негодяй, хотя и чрезвычайно виновен в глазах Бога и разума, вредит только самому себе, а не другим: участник вечеринок, спорщик, тревожащий общество своими праздными спорами. В данном случае не имеет силы закон Солона, по которому все, кто не принимал чью-либо сторону в бедах государства, были объявлены позорными. Этот великий законодатель был слишком осведомлен, чтобы причислять к этому ряду споры, касающиеся религии, столь плохо рассчитанные на то, чтобы заинтересовать достойных подданных; он скорее счел бы за честь избегать их и презирать.

Наши мрачные богословские споры не ограничивают пределы королевства тем ущербом, который они наносят нам: они унижают в глазах Европы нашу нацию, и без того слишком униженную своими несчастьями: они заставляют незнакомцев, и даже итальянцев, говорить, "что французы не умеют быть теплыми, за исключением исповедальни, или шутов, или "Единого быка", или "комической оперы" [20]." Такова крайне несправедливая идея, которую горстка фанатиков внушает всей Европе о французской нации, тем не менее, в то время, когда истинно уважаемая часть этой нации более просвещена, чем когда-либо, более озабочена полезными делами и полна презрения к безумствам и людям, которые ее позорят.

Не только честь Франции заинтересована в прекращении этих тщетных споров; честь религии еще больше затронута в связи с препятствиями, которые они противопоставляют обращению неверующих. Я предположу, что один из тех людей, которые имели несчастье в наше время нападать на религию в своих трудах и против которых в равной степени выступили иезуиты и янсенисты, должен обратиться в то же время к двум самым бесстрашным теологам каждой партии и сказать им так: "Вы правы, джентльмены, когда кричите о позоре против меня, и я намерен исправить это. Продиктуйте мне тогда согласованно исповедание веры, соответствующее этой цели и способное примирить меня сначала с Богом, а затем и с каждым из вас". В самом первом пункте символа веры "Я верю в Бога Отца Всемогущего" он безошибочно отвел бы уши двум катехизаторам, спросив их, одинаково ли силен Бог над сердцем и над телом? "Без сомнения", - сказал бы янсенист; "Не совсем так", - пробормотал бы иезуит. "Ты богохульник", - воскликнул бы первый. "А ты, - ответил бы второй, - "разрушитель свободы и заслуг добрых дел". Оба, обращаясь впоследствии к своему новообращенному, говорили ему: "Ах, сэр, неверие все же лучше, чем отвратительная доктрина моего противника: остерегайтесь доверять свою душу в такие плохие руки. Если слепой, " говорит Евангелие, " поведет слепого, они оба упадут в канаву". Следует признать, что слепой неверующий почувствовал бы себя немного неловко между двумя мужчинами, которые предлагают друг другу служить ему поводом и в то же время взаимно обвиняют друг друга в том, что они слепее его. "Джентльмены, - без сомнения, сказал бы он им, - я благодарю вас обоих за ваши благотворительные предложения: Бог дал мне, чтобы вести меня в темноте, посох, который есть разум и который, как вы говорите, приведет меня к вере: что ж, я воспользуюсь этим спасительным посохом и извлеку из него больше пользы, чем из вас двоих".

В таком случае правительству и магистратам ради чести религии и государства не остается ничего другого, как подавлять обе партии и делать их одинаково презренными. Мы говорим это с тем большей уверенностью, что никто не ставит под сомнение беспристрастность мудрых хранителей правосудия и то искреннее презрение, которое они питают к этим абсурдным состязаниям, опасные последствия которых их должность обязала их предотвращать. С каким удовлетворением мудрые и просвещенные подданные увидят, как они завершат свою работу? Разве янсенистский справочник и Конвульсионеры не должны [21] ожидать от них в первом случае такого же обращения, как с иезуитами; с той разницей, однако, которую мы должны провести (с точки зрения чести) между наказанием взбунтовавшейся знати и наказанием беспокойного населения? Иезуиты провозглашали свои опасные сентенции при свете дня: конвульсионеры и янсенистский справочник проповедуют и печатают свои экстравагантности в темноте. Только безвестность, которой окутываются эти негодяи, может защитить их от участи, которой они заслуживают: возможно, также нужно уничтожить их только для того, чтобы вытащить их из этой безвестности, только для того, чтобы приказывать Конвульсивным (под страхом порки) показывать свои отвратительные фарсы не на чердаке, а на ярмарке, за деньги,

среди танцоров на канате и игроков с кубками и мячами, которые вскоре разоблачат их: а что касается янсенистского справочника (под страхом того, что его поведут по улицам на осле) печатать свои скучные клевета не на его чердаке, а у официального книготорговца, например, у издателя "*Христианского журнала*", столь широко распространенного и столь заслуживающего того. Конвульсивные справочники исчезнут в тот момент, когда они утратят то небольшое достоинство, которое у них еще осталось, - *тайну*. Очень скоро имя янсенистов будет забыто, поскольку имя их противников объявлено вне закона; уничтожение одного и исчезновение других не оставят больше никаких следов, напоминающих о них: это событие, как и те, что ему предшествовали, будет стерто и похоронено теми, что последуют; и от него не останется ничего, кроме французской остроты, что глава иезуитов - сломленный капитан, потерявший свою роту.

В заключение мы заметим, что название *Общества Иисуса* все еще является одним из упреков, которые янсенисты бросают иезуитам как слишком гордому вероисповеданию; с помощью которого они, казалось, приписывали только себе качества христиан: это довольно незначительный предмет для ссоры и доказывает только то, что мы уже сказали, а именно, что ненависть превратила все в оружие для нападения на них. Истинное преступление общества, мы не можем повторять это слишком часто, заключается не в том, что его называют *Обществом Иисуса*, а в том, что на самом деле это было общество интриганов и фанатиков; они пытались подавить все, что их обижало; они хотели доминировать во всем; они вмешивались во все дела и все группировки; они стремились, одним словом, скорее стать необходимыми, чем полезными.

Дух легкомыслия, который стал причиной несчастья иезуитов во Франции, по-видимому, предвещает им аналогичную участь в остальной Европе. Они долгое время были подавлены на территориях короля Сардинии и Венецианской республики; и то небольшое существование, которое они там еще сохраняют, вполне возможно, будет вновь поколеблено потрясениями, которые они только что испытали в других местах: их поведение в Силезии во время последней войны не расположило к ним принца, в других отношениях врага суеверий и монашеской расы: австрийский дом, который так долго защищал их, начинает уставать от них и выяснять, что они собой представляют; и у них есть все основания опасаться, что они могут быть уничтожены. бомба, разорвавшаяся в Португалии и Франции, должна разнести некоторые из ее осколков по всем частям Европы.

Мы завершим этот трактат вопросами, о которых упоминалось выше, касающимися клятвы, которая требовалась от иезуитов: они изложены в такой манере, что, по-видимому, нет сомнений ни в ответе, который должен быть дан на каждый, ни, следовательно, в том, какую роль должны были сыграть эти отцы. В трудах, опубликованных на эту тему янсенистами и иезуитами, создается впечатление, что они взяли за правило отклоняться от истинной точки зрения на этот вопрос. Вместо праздных разглагольствований, которые были напечатаны с обеих сторон, автор, по-видимому, намеревался вставить немного логики: в этом секрет

сокращения ряда противоречий, которые риторика юристов и мандатариев увековечила бы в вечности.

ЗАПРОСЫ. [22]

Я.

Разве король или магистраты, которые его представляют, не являются компетентными судьями для принятия решения о том, соответствует ли религиозное учреждение законам королевства или противоречит им?

II.

Необходимо ли, чтобы духовная власть согласилась со светской для принятия этого чисто гражданского решения?

III.

Разве подданные короля, подчинившиеся этому учреждению, не подчинились ему в предположении, нет, в убеждении, что король и государство одобряют это?

IV.

Если король или магистраты, которые его представляют, сначала разрешив или терпимо отнесясь к этому учреждению, впоследствии придут к мнению, что оно противоречит законам королевства, будут ли подданные короля, подчинившиеся этому учреждению и принявшие решение отказаться от него, ранить тем самым свою совесть?

V.

Означает ли отказ от института отказ от обета *целомудрия* и обета *бедности*, которые они приняли и которые ни король, ни магистраты не могут помешать им соблюдать?

VI.

Является ли покушением на права духовной власти заявление о том, что их обет послушания (рассматриваемый только в гражданском свете) несовместим с послушанием, в котором они с рождения поклялись своему законному суверену; послушанием, в силу которого они живут на территориях этого суверена под защитой законов?

VII.

Если обет, который они дали как подданные, будет объявлен противоречащим тому, который они дали как монахи, не является ли этот второй обет недействительным сам по себе, будучи уничтоженным обетом более древним и более священным?

VIII.

Если они считают себя, несмотря на это соображение, связанными своим обетом *послушания*; если они предпочитают религиозное государство государству подданных, то может ли, даже не должен ли князь или должностные лица, которые его представляют, заявить, что они утратили права подданных, и обязать их покинуть государство, членами которого они отказываются быть?

IX.

Разве монахи, исповедующие монашество, которые должны отказаться от этого учреждения и которые, кроме того, связаны своим обетом *бедности* отказом от своего имущества, не имеют права требовать, чтобы государство само обеспечивало их существование?

X.

Будут ли монахи-исповедники, которые, отказываясь отречься от своего обета *послушания*, получать либо от суда, либо от своих друзей [23], несмотря на их обет *бедности*, пенсии, намного превышающие необходимые для их существования, доказывают таким поведением, что они были гораздо менее привязаны к *своему обету*, чем к их генерал; что они отказывались гораздо больше из-за гордости, чем из-за религии, отречься от общества; что они были, одним словом, скорее иезуитами, чем христианами?

XI.

Не должны ли те мнимые монахи, которые отрекутся от института, в то же время, чтобы положить конец спору о своей религии и своей чести, заявить о мотивах привязанности к своему суверену и своей стране, которые обязывают их к этому отречению, и потребовать юридического акта, подтверждающего это заявление?

XII.

Необходимо ли требовать *отиноков, не исповедующих* монашества, чего-либо большего, чем простого юридического заявления о том, что они не давали никаких обетов; и обещания не давать никаких?

XIII.

А что касается тех, кто добровольно отказался от института перед арретом, который требует присяги, необходимо ли требовать от них чего-либо иного, кроме простого юридического заявления о том, что они отказались от него?

XIV.

Не поставят ли иезуиты янсенистов в одинаковое положение с их врагами, независимо от того, принесут ли они требуемую присягу или нет? Если они принимают это, они лишают своих

закоренелых врагов надежды и удовольствия видеть их изгнанными; если они отказываются принять это, они без ответа опровергают обвинение, которое им так часто предъявляли, в том, что они забавляются религией и клятвами? В первом случае они разжигают ненависть; во втором они распространяют клевету. На чью сторону им следует встать? Это и приводящая в замешательство ненависть, и смешивающая клевета одновременно, при присоединении к требуемой от них клятве декларации, суть которой содержится в XI Вопросе и формулу которой мы приведем ниже.

XV.

Каким бедствием были споры, касающиеся религии, и в особенности абсурдное и жалкое соперничество янсенизма, которое на протяжении более чем ста лет делало несчастными столько людей в одной из этих двух партий и которое теперь, вероятно, сделает столько же в другой!

XVI.

Какое счастье для народов и королей - знамя философии, которая, вызывая к этим легкомысленным спорам заслуженное ими презрение, является единственным средством предотвращения того, чтобы они стали опасными?

XVII.

Кто автор этих размышлений? Француз, привязанный исключительно к своей стране, которого не интересует ни *разносторонняя грация*, ни *победоносное упоение*; который не принадлежит ни к какой секте, ни к какому ордену, ни к конгрегации *господ*, ни к отряду Святого Медара; который не получал денег от генерала иезуитов и не подвергался порке розгами на чердаках Конвульсивных; который желает, чтобы люди жили в мире, и чтобы столько ненависти, возбуждаемой прихотями, так *многоглубоких* мошеннические действия, вызванные *бессмысленными* спорами, короче говоря, столькими пороками, вызванными столькими глупостями, должны были бы, наконец, научить их быть мудрыми.

Да будет так.

Форма заявления для монахов.

Я, подписания, мнимый монах покойным обществу, называют Иисуса, заявляю, что, когда я подвергал себя в учреждении и правительству, что в обществе, я предполагал, как непереносимое условие этого взаимодействия, что это одобрение царя моего законного государя, его величество заявив, поскольку, в недвусмысленной форме, устами судьи, депозитариями своим авторитетом, несовместимость мой обет послушания, с тем, что более древний и священный обет, который я сделал для моего короля и для моей страны, и, найдя себе обязаны выбрать один или другой из этих обетов, которые я могу не заметить, я считаю себя связанным, в честь и в совесть, чтобы держать то, что я сделал, как француз и подданного Его Величества: именно

через это единственный мотив, который я отрекаюсь от жизни, отныне и навсегда, под руководством учебного заведения, а правительство говорит общества; не намереваясь, однако, отказаться от обета бедности, целомудрия и то, что я сделал, и соблюдение которых нет мотива может запретить мне, обещая заново к Богу и к Церкви, насколько это необходимо, чтобы сохранить силу совершенное воздержание, и получать от тех, кто обязан думать надлежащего предоставить мне натуральное, только то, что абсолютно необходимо, что очень прожиточного минимума, в соответствии с заповедью апостола Павла. В подтверждение чего я подписал настоящую декларацию, в которой я требую зачисления, чтобы немедленно, без каких-либо соображений интереса или человеческого уважения, выполнить свой долг перед Богом и моим королем.

Сделано в Париже это....

Форма заявления для непрофессионалов-иезуитов.

Я нижеподписывающийся ... заявляю, что, еще не связанный обетами исповедания в покойном Обществе, призванном Иисусом, и король, мой суверен, запретивший всем своим подданным устами магистратов, хранителей его власти, связывать себя этим учреждением, я обещаю и клянусь, как добрый и верный подданный его величества, не вступать в упомянутое Общество ни под каким обетом. В подтверждение и т.д.

Форма заявления для бывших иезуитов.

Я, нижеподписавшийся, заявляю, что в месяце ... и году..... перед судом ... который требует от покойных иезуитов отречения от этого института, я добровольно сделал это отречение, подтверждением которого являются прилагаемые здесь фрагменты.

КОНЕЦ

СНОСКИ:

[1] Смотрите у иезуитских авторов жизнеописание св. Игнатий.

[2] Отец Буайе Театин, впоследствии епископ Мирепуа, а с тех пор наставник детей Франции.

[3] Мы говорим здесь в общих чертах; ибо все согласны с тем, что в других орденах были и все еще есть достойные люди.

[4] Мы знаем из очень уважаемых и очень надежных источников, что этот отец церкви несколько месяцев назад был в Петербурге, где писал, зарабатывая на хлеб, панегирики

великой княгине, которая уделяет его панегирикам такое же уважение, как и его сочинениям. К позору тех, кто заставил его работать, не требовалось ничего другого, кроме как оставить его, как это делают они, в нужде и вынужденным униженно просить пропитание в шестистах лье отсюда.

[5] М. де Вольтер в своем превосходном каталоге писателей эпохи Людовика XIV.

[6] В 16 году они были очень далеки от этого.... когда они запрещают всем прихожанам учить янсенизму и картезианству.

[7] Смотрите словарь Бейля под словом Petau. См. также "Лонгуэруану", часть I., стр. 86.

[8] Безопасность людей - высший закон.

[9] Читатель, возможно, не будет недоволен, увидев, что думал об этой очаровательной доктрине философ большого ума, к тому же полный презрения ко всем теологическим спорам. "Возможно ли придать слову *свобода* такое вынужденное значение, какое придают ему янсенисты? Теперь, по их мнению, мы подобны шару на бильярдном столе, которому безразлично, будет ли он двигаться вправо или влево; но в то самое время, когда он движется вправо, утверждается, что он все еще безразличен к своему перемещению в эту сторону; по той причине, что его могло отбросить влево. Это то, что они имеют наглость называть в нас *свободой*; свободой чисто пассивной, которая означает только различное использование, которое Творец может сделать из нашей воли, а не то использование, которое мы можем сделать из нее сами, без его помощи. Какой фантастический и ошибочный язык!" *Lettre de Mr. de la Motte, à Mr. de Fenelon.*

[10] Библиотека vii. Фабл. 16.

[11] Г-н де ла Шалотэ в своем *Эссе об образовании*, представленном парламенту Бретани.

[12] Покойный кардинал де Тенсен.

[13] *Любовный роман*, Акт первый, Сцена последняя.

[14] Говорят, что иезуиты из уважения к королеве и дофину отказались взять на себя духовное руководство Помпадур. *Приложение к XXXII тому. из Ежемесячного обзора.* стр. 499.

[15] *Фонтейн*, Глава VII. Басня III.

[16] Энейд I.

[17] *Mélanges de littérature, d'histoire & de philosophie*, par M. D.... Tom. IV. p. 364.

[18] *И ты тоже, мой дорогой Брут!* Несомненно, что этот сатирик придал слову *Брут* более злонамеренное толкование, чем мы претендуем одобрить.

[19] Читатель знает, что *хиджра* означает *бегство* или *изгнание*.

[20] Это то, что тысячи французов слышали в Англии, Германии и даже в Риме.

[21] Уверяют, что на следующий день после изгнания иезуитов Конвульсионеры начали предсказывать это. Именно так они всегда пророчествовали; и что очень удивительно, они никогда не ошибались.

[22] Эти запросы, по-видимому, были написаны в промежутке между арретом, который предписывает иезуитам приносить присягу, и арретом, который их изгнал. Считалось, что они могут оказаться полезными, если однажды возникнут какие-либо непредвиденные обстоятельства, которые потребуют от иезуитов прямого отказа от этого института.

[23] Как поступили версальские иезуиты и некоторые другие из главных.

Примечание переписчика:

- Незначительные опечатки исправлены без замечаний. Другие отмечены ниже.
- Двусмысленные дефисы в концах строк были сохранены.
- ИСПРАВЛЕНИЯ:
 - Страница 18: “полезный” заменено на “полезный”. (... полезный и респектабельный в Парагвае)
 - стр. 25: “он” → “быть”. (... его сердце должно быть перенесено после его смерти;)
 - р. 27: “Richlieu” → “Richelieu.” (Генрих IV. или, скорее, кардинал Ришелье....)
 - стр. 78: “возмездие” → “репутация” (... величайшие заслуги и репутация.)
 - стр. 86: “со-временные” → “современники” (... которыми восхищались его современники.)
 - стр. 110: “явно” → “недвусмысленно”. (... без явного осуждения.)
 - стр. 110: “частичный” → “частный”. (... в частности, одно предложение отца Кенеля.)
 - стр. 126: “ n” → “in”. (... чье преступление в их глазах....)
 - стр. 156: “экспрессивно” → “явно”. (... на кого он прямо указывает....)
 - стр. 160 “могущественный” → “могущественный”. (... общество, в последнее время такое могущественное....)
 - стр. 201: “жалкий” → “жалкий”. (... отцы столь жалкого потомства.)
 - стр. 204: “стилизованный” → “стилизованный”. (... заставляют называть себя его наследниками....)
- Варианты без изменений:
 - Новички (стр. 18) и новички (стр. 145).
 - Догматизирует (стр. 55) и догматизирует (стр. 206).
 - Расходы (стр. 72) и накладные расходы (стр. 124).
 - Архиепископ (стр. 117, 125, 167) и архиепископ (стр. 115, 116, 181).